

la noble cite de Iherusalem fu prise: lan mil un: don le vœredi po jour de mois de Juillet.

ОГАСТ КРЕЙ

П • Е • Р • В • Ы • Й КРЕСТОВЫЙ ПОХОД

СРАЖЕНИЯ И ОСАДЫ, ПРАВИТЕЛИ, ПАЛОМНИКИ,
ВИЛЛАНЫ, СВЯТЫЕ МЕСТА В СВИДЕТЕЛЬСТВАХ
ОЧЕВИДЦЕВ И УЧАСТНИКОВ

Огаст Крей

**Первый крестовый поход.
Сражения и осады, правители,
паломники и вилланы, святые
места в свидетельствах
очевидцев и участников**

«Центрполиграф»

УДК 94(4)
ББК 63.3(0)4

Крей О.

Первый крестовый поход. Сражения и осады, правители, паломники и вилланы, святые места в свидетельствах очевидцев и участников / О. Крей — «Центрполиграф»,

ISBN 978-5-9524-5416-3

Профессор истории Огаст Крей собрал и обобщил рассказы и свидетельства участников Первого крестового похода (1096–1099 гг.) от речи папы римского Урбана II на Клермонском соборе до взятия Иерусалима в единое увлекательное повествование. В книге представлены обширные фрагменты из «Деяний франков», «Иерусалимской истории» Фульхерия Шартрского, хроники Раймунда Ажильского, «Алексиады» Анны Комнин, посланий и писем времен похода. Все эти свидетельства, написанные служителями церкви, рыцарями-крестоносцами, владетельными князьями и герцогами, воссоздают дух эпохи и знакомят читателя с историей завоевания Иерусалима, обретения особо почитаемых реликвий, а также легендами и преданиями Святой земли.

УДК 94(4)
ББК 63.3(0)4

ISBN 978-5-9524-5416-3

© Крей О.
© Центрполиграф

Содержание

Введение	6
Пролог	20
Глава 1	22
Глава 2	35
Глава 3	52
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Огаст Крей
Первый крестовый поход
Сражения и осады, правители,
паломники и вилланы, святые места в
свидетельствах очевидцев и участников

© Перевод, ЗАО «Центрполиграф», 2020

© Художественное оформление, ЗАО «Центрполиграф», 2020

Введение

Прошло более девяти веков с того времени, как христианская Европа впервые взялась за оружие, чтобы отвоевать Святую землю у неверных, однако интерес к тем событиям продолжает сохраняться. Можно сказать, что каждое новое поколение требует более полного и обновленного представления об истории крестовых походов. Трезвомыслящие историки постарались ответить на обращенный к ним призыв, но, как бы ни были значительны их труды, поэт и романист, обладающие живым воображением, всегда идут впереди ученых. Нам потребовалось бы много времени, чтобы перечислить названия всех книг и статей, появившихся на протяжении жизни всего одного поколения. История крестовых походов будет и впредь интересовать людей, и продолжится это до тех пор, пока мы храним в памяти историю Сирии и Палестины. И повествование о самом первом и наиболее успешном христианском предприятии по отвоеванию Святой земли будет по-прежнему волновать потомков, близких по крови и духу тем первым крестоносцам. Поэтому представляется вполне уместным пересказать читателю историю первого похода словами его непосредственных участников.

Мировое значение хроник

Современные писатели рассматривали крестовые походы с разных точек зрения. Ученые-энтузиасты видели в них, по мнению епископа Стаббса, «первые значимые попытки людей Средневековья выйти за рамки сугубо эгоистичных устремлений индивида. Это был судьбоносный подвиг молодого мира, готового во имя Господа и ради блага многих воспользоваться оружием нового рыцарства» (1901). Другие, более циничные в своем подходе, как известный историк Э. Гиббон, видели в происходивших событиях только скорбный спектакль, когда дух невежества и фанатизма ведет сотни тысяч людей к неизбежной бойне. Как бы ни были различны мнения относительно практической целесообразности и необходимости крестовых походов, большинство ученых считает их важным этапом развития европейской цивилизации. По замкнутому образу жизни общества XI века, когда человеческие знания об окружающем мире ограничивались видимой линией горизонта, был нанесен сокрушительный удар. Не все из тех, кто отправился в поход в Святую землю, добрались хотя бы до пределов Европы, но даже этим людям было суждено увидеть чужие страны и народы. Они вернулись если и не увенчанные славой, но обогащенные новым жизненным опытом. А что касается тысяч тех, кто в итоге, преодолев неисчислимые препятствия, приняли участие в завоевании святых мест, о каких только чудесах они не рассказывали по возвращении! Единичные путешественники и редкие группы пилигримов проходили по тому же пути, по которому прошли позднее крестоносцы. Однако число их было крайне незначительным, и рассказы о паломничестве слушали только жители их родных мест, и спустя короткое время о них уже никто и не помнил. Однако в Первый крестовый поход отправились представители всех общественных классов, обоих полов и разного возраста, собравшись практически со всех уголков христианской Европы. По мере того как отряды крестоносцев продвигались все дальше и дальше, к ним примыкали все новые жители тех мест, через которые они проходили. Вскоре все дороги заполнил нескончаемый поток крестоносцев, двигавшихся как на восток, так и возвращавшихся обратно. Перемещение огромных масс людей не прекратилось и с завоеванием Иерусалима. Десятилетие спустя крестоносцы все еще продолжали идти на восток, следуя призыву папы Урбана. К тому же овладение Святым городом давало дополнительный импульс к постоянной миграции паломников между Западом и Востоком. Вслед за пилигримами и крестоносцами следовали купцы, менеджеры и просто любители приключений. Привычка к странствиям, со всеми ее положитель-

ными и отрицательными сторонами, укоренилась во всей Европе. Ее ускоренному развитию способствовал обмен идеями и товарами, и в XII столетии началась эпоха Возрождения.

Учащимся будет интересна не только сама история Первого крестового похода, но и рассказы его непосредственных участников. Они имеют особую ценность как первые подробные и достоверные описания европейского общества после падения Западной Римской империи. Крайне редки какие-либо сведения о его повседневной жизни в V–XII веках. «Жизнь Карла Великого» Эйнхарда – поразительное исключение. Подобно тому как «Германия» Тацита, содержащая крайне мало сведений, была положена в основу изучения цивилизации германских племен на протяжении их истории вплоть до VIII века, так и на сочинение Эйнхарда ссылались при рассказе о событиях VIII–IX веков. Следующие два века истории в отсутствие Тацита и Эйнхарда получили бесславное наименование «Темные века». Этот мрак, однако, быстро рассеялся в конце XI века, главным образом благодаря хроникам Первого крестового похода. Религиозный характер крестовых походов заставлял относиться к ним с симпатией прежде всего церковных писателей, единственных писателей того времени. Все аспекты деяний вождей этого похода «во имя Господа», значительные и тривиальные, были достойны, как считалось, увековечивания ради блага потомков. В сложившихся обстоятельствах пестрый состав крестоносного войска был положительным фактором. Практически единственным сословием, не представленным в Первом крестовом походе, были монархи – короли и императоры¹, и церковные иерархи – папа и епископы. Другими словами, представители той части общества, что была достойна упоминания в анналах и хрониках, не участвовали в этом походе. И потому в центре повествования оказались рыцари и простые воины. Даже бедные простолюдины не были обойдены вниманием. В хрониках нашла отражение картина общества той эпохи с мельчайшими подробностями взаимоотношений церковников и мирян, мужчин и женщин. Несмотря на то что описание обыденных дел присутствует не всегда, из рассказов о событиях значимых можно узнать и о реалиях будней. Описания настолько полны и затрагивают столь многие аспекты общественной деятельности, что из них можно узнать и о событиях предыдущего и последующего исторических периодов. Вот почему историки рекомендуют студентам изучать европейскую историю по письменным памятникам Первого крестового похода.

Ценность этих описаний для литературы проявляется косвенным образом. Они представляют неисчерпаемый источник сюжетов для писателей, но сами по себе в качестве произведений литературы имеют малую ценность. Тем не менее и они являются образчиком письма своего времени и в таком аспекте заслуживают внимания исследователей всеобщей истории литературы. Некоторые, как, например, письма Стефана из Блуа и Ансельма из Рибемонта (Рибемона), имеют явные художественные достоинства. Вероятно, сложно найти более выразительное описание глубокого отчаяния, чем у анонимного автора «Деяний франков», когда он рассказывает о том, как Алексей Комнин и его армия восприняли известие о судьбе крестоносцев в Антиохии. Похожий эпизод представляет собой фантастическая, удивительно проникновенная встреча Кербоги со своей матерью под стенами Антиохии. Литературные достоинства этих рассказов заключены в их неподдельном реализме, приземленная форма выражения которого только акцентирует его. Надежды и страхи, скорби и радости – все то, что приходится переживать воинам, проходя через различные испытания, описаны с поразительной искренностью и честностью теми людьми, что делили с войском все опасности трудного похода. Хроники продолжают читать с неподдельным интересом спустя много веков после их написания.

¹ В последующих походах они активно участвовали. (Здесь и далее примеч. пер.)

Передача информации

Шероховатости стиля не были следствием недостатка мастерства авторов. Это объяснялось отчасти тем, что написанное служило источником информации для людей той отдаленной от нас эпохи. Они играли роль, можно сказать, газеты своего времени, и это было шагом вперед в деле распространения информации. Все написанное прежде появлялось на латинском языке и не выходило за стены церквей. Отдельные фрагменты произведений на национальных языках, написанные ранее XII столетия, хранятся как редкие памятники литературы. В латинских текстах затрагивались только те вопросы, что были важны лишь для служителей Церкви. Богословские сочинения, Священное Писание, труды Отцов Церкви, богослужебные книги, учебники для духовных школ и другая подобного рода литература имела наибольшее распространение. Большая часть секулярной литературы была представлена сводом королевских законов и скудными сообщениями из монастырских анналов. Бывало и так, что какой-нибудь правитель описывался в панегирическом стиле, что объяснялось его близостью к Церкви и большими пожертвованиями в ее пользу. Даже истории народов, такие как «История франков» Григория Турского или «История Церкви Англии» Беды Достопочтенного, были всего лишь церковными историями. Секулярный элемент играл в них незначительную роль. О событиях повседневной жизни можно было узнать только из писем. Однако большинство не нуждалось в этом, поскольку настолько узок был круг общения, что люди узнавали обо всем из первых уст. Часто обменивались посланиями только деятели Церкви, имевшие своего главу в Риме и обученные письму. И вновь повышенное внимание уделялось только церковным вопросам и вопросам обучения, и лишь отчасти в переписке затрагивались события повседневные и важные для всех. Большей частью новости распространялись устно от соседа к соседу. О дальних краях мог рассказать только менестрель или путешественник. Поскольку монастыри и замки были известны своим гостеприимством, они становились своеобразными центрами информации своего времени.

В крестовых походах иногда складывались чрезвычайные обстоятельства. Большинство людей отправлялось в поход, надеясь на возвращение в свое время домой. В результате в сфере интересов местных общин оказалась и ситуация в Палестине. Секулярная Европа не ограничивалась уже только местными новостями, она хотела получать все больше новостей с Востока. Кумушки-сплетницы в своей округе исполняли обязанности агентства по распространению информации. К путникам часто обращались за новостями, и они, вероятно, и были источником более или менее надежной информации. Однако появлялось искушение приукрасить повседневные события, и многие мошенники с хорошо подвешенным языком в обмен на рассказы о всякой небывальщине получали стол и кров. Некоторые из этих легенд были записаны, и то, что их отразили на бумаге, придавало им особую достоверность. Это повлияло на то, что они принимались на веру многими людьми. Вскоре было признано всеми, что для получения более надежной информации необходимо было обратиться к более надежным источникам. Стали больше верить известиям, что несли гонцы.

Письма

На первоначальной стадии крестового похода не представляло особой сложности отрядить оруженосца и послать его в тыл для передачи послания или срочного сообщения. Так продолжалось вплоть до того времени, когда войско крестоносцев оставило Никею. Позднее это стало просто невозможным. Случайные встречи с экипажами кораблей, плывших с Запада, давали практически единственную возможность обмениваться информацией. Да и такая возможность, как показывают документы, представлялась крайне редко. В подобных случаях могли

помочь только письма. Священники, принимавшие участие в походе, могли написать по чьей-либо просьбе письмо на латинском языке. Клирики на Западе, получив эти письма, тут же делали с них копии, с помощью которых передавали содержащуюся в них информацию всему миру. Считалось, что такие письма, несмотря на то что они были адресованы конкретным людям, мог прочитать любой, пока они не были запечатаны. Их обычно зачитывали на устраиваемых специально ради этой цели церковных собраниях. С каким нетерпением члены конгрегаций ждали этих собраний, чтобы получить желанную весть от родных, друзей и знакомых, которые отправились столь далеко и столь надолго!

Четырнадцать писем той далекой эпохи издал Хагенмайер. Именно из них нам известно о событиях Первого крестового похода. Их авторы – видные деятели своего времени. Два письма принадлежат папам, одно – императору Алексею Комнину. Пять писем были написаны вождями крестового похода. Содержание еще четырех более личного характера. Два письма Стефана Блуаского к жене Адели относятся к литературным жемчужинам эпохи. Авторы писем вполне заслуживают доверия, они были свидетелями событий своего времени. Для них характерен эмоциональный стиль повествования, который полностью отсутствует в более поздних хрониках. Остается только сожалеть, что сохранилось столь мало подлинных письменных памятников той эпохи.

Хроники

Интерес людей к событиям Первого крестового похода не мог быть удовлетворен только материалами эпистолярного жанра. Различные мотивы поддерживали этот интерес, не давая ему угаснуть. Патриотическая гордость за своих соотечественников, естественное человеческое стремление к познанию неизведанного мира, наконец, постоянная потребность в деньгах и людях для продолжения похода и, не в последнюю очередь, стремление самих крестоносцев сохранить память о своих подвигах порождали потребность вновь и вновь перечитывать историю похода. Писательский труд был делом хлопотным, гипотетическому автору не удалось бы снискать известность и получить гонорар за свой труд в отсутствие издательств и авторского права. «Изданием книг», если можно так назвать кропотливый труд по переписке рукописей, занимались в скрипториях монастырей и епископских школ. Однако пергамент для рукописей был дорогим, и искусством письма владели только клирики. Вряд ли заслуживало их внимания описание боевых действий. Но крестовый поход был предпринят ради защиты веры. Слова папы Урбана II в Клермоне в 1095 году, о подвиге отвоевания Святой земли от «неверных», не были забыты. Сама мысль о том, что поход станет еще одной главой в Священной истории, поддерживала не одного его хрониста в надежде на благополучное его завершение, несмотря на временные неудачи. Эти побуждения, сакральные и мирские, объединялись в едином желании представить наиболее исчерпывающую картину Первого крестового похода. Первое полное повествование о крестовом походе, дошедшем до нас, известно как «Деяния франков и прочих иерусалимцев» (*Anonymi Gesta Francorum et aliorum Hierosolymitanorum*). Имя автора хроники неизвестно, обычно его называют Анонимом. Все, что мы знаем о нем, основано на выводах, сделанных из его повествования. Он сопровождал итальянского князя норманна Боэмунда Тарентского, начиная от осады Амальфи и вплоть до взятия Антиохии. Оттуда он отправился в Иерусалим под знаменами графа Раймунда Тулузского, который был в союзе с герцогом Робертом Нормандским и Танкредом. Он закончил написание хроники незадолго до конца 1101 года, поскольку Экхард именно в этом году в Иерусалиме обнаружил ее копию, которую он использовал в своем труде. Это единственный подтвержденный факт, все остальные свидетельства относительны, поскольку в хронике мало персональных отсылок. Отсутствует предисловие и посвящение, нет обращения к читателю. Все же некоторые его латинские выражения говорят о том, что Аноним был прекрасно знаком с диалектами Южной Италии.

Его постоянные восхваления Боэмунда, хотя он и расстался с ним после взятия Антиохии, дают возможность предположить о его пребывании в этих краях. По происхождению Аноним вполне мог быть норманном; если это так, то он покинул Нормандию задолго до Первого крестового похода. Его отчасти секулярная точка зрения на события похода, редкие общие заметки о священстве и личное участие в битвах заставили современных исследователей предположить, что он был рыцарем, хотя отсутствие близких отношений с вождями похода говорит о том, что он был незнатного происхождения. Стиль его труда и отсутствие в нем отсылок на какие-либо литературные произведения свидетельствуют о том, что у него не было высшего образования. Его язык выдает в нем любителя, а словарный запас явно ограничен. Будучи не в состоянии адекватно описать подвиги крестоносцев, Аноним использует превосходную степень прилагательных столь часто, что иногда вынужден прибегать к положительной их степени, как главному средству отличия. Библия практически единственная книга, которую он цитирует. О его набожности свидетельствуют как отсылки на эту священную книгу, так и факты его личной жизни. Он решил отправиться в Иерусалим вместо того, чтобы остаться со своим господином в Антиохии. Если в его повествовании имеются недостатки, то они в значительной мере компенсируются трезвой оценкой событий, желанием не дать мелким подробностям затуманить общий взгляд на историю. Аноним стремится справедливо и беспристрастно относиться к соперничавшим христианским вождям похода, как и к неприятелям – туркам и другим. Гвиберт Ножанский и Роберт Монах критиковали стиль изложения Анонима, но сами, не желая того, оказали ему большую честь, включив его труд в свои «литературные» заметки о походе. Большое историческое значение его работы заключается не только в том, что она была написана участником похода. Заметки автора выходили из-под его пера постепенно, с перерывами, и их написание завершилось сразу же после взятия Аскалона в сентябре 1099 года. Это было последнее из упомянутых им событий. «Деяния франков» – первое полное описание крестового похода. До нашего времени сохранились шесть его рукописей. Каждое последующее сочинение о Первом крестовом походе основывается прямо или косвенно именно на нем.

Вторая рассматриваемая нами хроника – «История франков, завоевавших Иерусалим» (*Historia Francorum qui ceperunt Jerusalem*). Имя автора стоит в начале предисловия, которое таково:

«Моему владыке, епископу Вивьерскому, и всем правоверным. Понтий Баласунский и Раймунд, каноник из Пюи, обращаются ко всем с приветствием и просят внимания к своему труду.

Мы сочли необходимым рассказать вам и всем живущим по ту сторону Альп о великих делах, совершенных Богом, и которые он не перестает совершать ежедневно вместе с нами, в знак Своей любви к нам. Предприняли же мы этот труд потому, что презренные и трусливые люди, сбежав от нас, употребляют все усилия, чтобы выдать ложь за истину. Пусть тот, кто узнает об их отступничестве, не слушает их речей и сторонится их общества; ибо Божье войско, хотя оно и было поражено за свои грехи лозой Господней, но, по великому милосердию Божьему, вышло с победой из борьбы с язычеством. Но поскольку так случилось, что одни прошли по славянским землям [т. е. по землям южных славян], другие – по Венгрии, иные по Ломбардии, а иные по морю, то было бы нам утомительно писать о том, что случилось с каждым отрядом в отдельности. Вот почему, оставляя других в стороне, мы ограничимся рассказом только о графе [Раймунд, граф Тулузский], епископе де Пюи и их войске».

Понтий Баласунский, рыцарь из войска Прованса, был убит у Арки, и Раймунд в одиночестве завершал их общий труд. Он был рукоположен в священники во время крестового похода и стал капелланом графа Раймунда Тулузского, который был самым богатым предводителем похода. Поэтому выделить деньги для написания хроники ему не составляло труда. Близость капеллана к графу Раймунду и епископу Адемару давали ему широкий доступ к информации, которая была недоступна другим авторам, например Анониму. Но критики были

довольно резки в своих высказываниях. Им не понравилась ни форма книги, ни ее содержание. Они считали ее сырой, ханжеской, слишком пристрастной и полной религиозного мистицизма. Что касается пристрастности хроники, то это несомненный факт. Раймунд говорил о возвращавшихся крестоносцах как о храбрых рыцарях войска Прованса, которым помогало Святое Копье. Сам автор одним из первых поверил в видения участника крестового похода мистика Петра Варфоломея и принимал участие в обретении Копья. «Суд Божий» был не в силах поколебать его веру в него. Тем самым большая часть его труда посвящена защите Святого Копья, в поддержку существования которого он приводит одно видение за другим, называет многочисленных свидетелей. В последней части хроники рассказывается о роли, которую сыграли в крестовом походе граф Раймунд, епископ Адемар и провансальское войско. Информация правдива, и нельзя сказать, что он не видит ошибок в действиях этих персонажей. Для специалиста-историка хроника является второй по значимости после «Деяний франков», ведь она была написана свидетелем событий и появилась не ранее 1102 года. В основу ее, несомненно, легли заметки, сделанные во время похода. Ее следует считать отдельным независимым повествованием, хотя, по мнению Хагенмайера, автор мог воспользоваться какими-либо фактами «Деяний» при правке своего рассказа. Хроника Раймунда самая ценная из всех в том, что касается, если можно так выразиться, социологических аспектов крестового похода. К настоящему времени сохранились шесть ее рукописных копий.

Третий источник по истории крестовых походов – «Иерусалимская история» (*Historia Hierosolymitana*) Фульхерия Шартрского. Его жизненный путь прослеживается более подробно, чем у других хронистов крестовых походов. Родился Фульхерий в 1059 году, предположительно в Шартре. С юных лет был предназначен к служению Церкви. Когда в 1095 году состоялся собор в Клермоне, он был священником в Шартре либо в Орлеане. Всеобщий энтузиазм после призыва папы охватил и его, и, подобно многим своим соотечественникам, он присоединился к войску Стефана Блуаского, вышедшего из Шартра в конце 1096 года. Фульхерий Шартрский находился в войске Стефана вплоть до октября 1097 года, когда стал капелланом графа Эдессы Балдуина, брата герцога Готфрида Бульонского. С этого времени и до смерти Балдуина в 1118 году Фульхерий оставался в этом звании, тесно сотрудничая с энергичным правителем. В результате он не присутствовал ни при осаде Антиохии, ни при штурме Иерусалима, пребывая в Эдессе. Фульхерий покинул город только в конце 1099 года, когда он совершил паломничество в Иерусалим с Балдуином и Боэмундом. Когда Балдуин взял в свои руки бразды правления после смерти Готфрида, Фульхерий сопровождал его в поездке в Иерусалим, где он и оставался вплоть до своей смерти в 1127 или 1128 году.

Его «Иерусалимская история», личным свидетелем которой Фульхерий был лишь отчасти, написана по настоянию друзей. Первая часть ее появилась в 1105 году; она была тепло принята, и Фульхерий решил продолжить повествование. Последняя его часть представляет краткую хронику Латино-Иерусалимского королевства. Его ранняя история является, несомненно, самым важным источником информации. Видимо, он пересмотрел первые части своей истории по крайней мере дважды. Последняя версия резко обрывается упоминанием о чуме, посетившей город в 1127 году. Фульхерий явно имел более основательную литературную подготовку, чем два предыдущих автора. Современные исследователи критикуют его страсть к цитированию и рассматривают как недостаток работы, но это касается в большей степени последней части хроники, написанной им уже в преклонных годах. В целом его хроника свободна от предвзятости. Фульхерия интересовало, в большей степени, описание событий самих по себе. Возможно, побочным его желанием было привлечь воинов с Запада на помощь находившемуся в тяжелом положении Латинскому государству в Сирии и Палестине. Он проявляет большой интерес к природе и описывает экзотические растения и зверей, природные феномены в наивной манере. Интриги крупных феодалов и Отцов Церкви привлекают его в меньшей степени, его больше волнует благосостояние людей, к которым он относится с симпатией подобно

простому французскому кюре. В целом хроника чрезвычайно ценна, и в скором времени она получила широкое распространение, ее читали и копировали. По значимости она была второй после «Деяний», и к ней, как ценному источнику информации об истории крестовых походов, прибегали многие авторы. Сохранилось более пятнадцати ее рукописных копий.

Важнейшие свидетельства событий крестового похода имеются в «Алексиаде», автором которой была Анна Комнин, дочь византийского (восточноримского) императора Алексея. Несмотря на то что ей едва исполнилось 14 лет, когда крестоносцы прибыли в Константинополь, вполне можно утверждать, что большое впечатление на нее произвели далеко не куртуазные иностранцы, буквально наводнившие столицу. Сама Анна и ее муж Никифор Вриенний были людьми высокообразованными, и, когда дворцовая интрига, в которой они оба принимали участие, завершилась провалом и Анна была заточена в монастырь по приказу своего брата, она решила завершить историческое повествование, начатое ее мужем. Сорок лет спустя после того, как первые крестоносцы прошли через Антиохию, она начала свой труд. За это время много отрядов крестоносцев с Запада последовали к Святой земле. Боэмунд взял Антиохию, несмотря на противодействие императора, и даже начал с ним войну. Взаимоотношения императора Алексея и графа Раймунда Тулузского изменились, и затем случился целый ряд событий, в которых приняли участие и латиняне, и греки. Все это повлияло на восприятие Анны, поэтому хронология событий ошибочна, ее сообщения о них часто неверны, да и самому стилю ее повествования присуща риторика и аффектация. Не всегда верно она идентифицирует вождей крестового похода, сама признаваясь в этом. Она называет их всех графами, что еще больше безнадежно запутывает ситуацию. Тем не менее ее труд особенно ценен тем, что показывает истинное отношение византийцев (ромеев) к латинянам, которое характерно и для ее отца, так что вполне можно признать ее правоту в этом отношении. Рукописная копия повествования Анны, исправленная ее рукой, сохраняется во Флоренции.

Необходимо также упомянуть участника Первого крестового похода клирика Петра Тудебоды из Сивре. Его перу принадлежит «История Иерусалимского похода» (*Historia de Hierosolimitano Itinere*), являющаяся почти дословным переводом «Деяний франков», дополненная отрывками из хроники Раймунда Ажильского. Автор также добавляет от себя личные замечания и наблюдения. Он рассказывает о смерти своего брата в Антиохии и собственном участии в его похоронах. Отличие труда Тудебоды от «Деяний франков» заключается в том, что он был сторонником графа Раймунда Тулузского, и, следовательно, оценка его действий и Боэмунда иная. Однако автор не всегда последователен. Хроника была написана до 1111 года, впоследствии ее цитировали другие авторы. Сохранились четыре рукописи этого сочинения.

Эккехард из Ауры, который считается одним из величайших немецких историков Средних веков, был монахом-бенедиктинцем в аббатстве Корвей, когда было объявлено о начале Первого крестового похода. Он присоединился к отрядам крестоносцев в 1101 году и дошел до Константинополя, а затем морем доплыл до Яффы. В Иерусалиме он познакомился с копией хроники «Деяния франков», которую положил в основу своего повествования под названием «Иерусалимец» (*Hierosolymita*). Этот труд он написал для настоятеля Корвейского аббатства в 1112 году после того, как сам стал аббатом Ауры. Язык и стиль этой хроники указывает на то, что по сравнению со всеми предыдущими хронистами крестовых походов Эккехард прекрасно знал классических авторов Античности. Ценность книги в том, что автор лично был свидетелем событий 1101 года. К тому же он оставил краткие заметки о Крестьянском крестовом походе, о котором не сообщает ни одна из хроник, что дошли до нас. Сохранилось шесть рукописных копий хроники.

Рауль (Радульф) Канский (по названию города Кан в Нормандии), нормандский рыцарь, был слишком молод, чтобы участвовать в крестовом походе 1096 года; он присоединился к армии Боэмунда только в 1107 году. Он добрался до Сирии и поступил на службу к Танкреду, тогдашнему князю Антиохии, и находился при нем вплоть до его смерти. В молодости Рауль

получал наставления в письмах от Арнульфа, который после 1112 года стал патриархом Иерусалимским. Молодой образованный рыцарь был, вероятно, в дружеских отношениях с Танкредом. На протяжении первых пяти лет их взаимоотношений он много узнал о Первом крестовом походе, особенно о взглядах Танкреда на те события. Рауль также посетил Иерусалим и встретился там со своим бывшим учителем Арнульфом, теперь уже патриархом, которому посвятил свой труд «Деяния Танкреда» (*Gesta Tancredi*). Хотя это сочинение и является важным источником информации, строго говоря, это не свидетельство очевидца. Это панегирик нормандскому князю Антиохии, а к императору Алексею и графу Раймунду отношение у автора крайне враждебное. Рассказ о Первом крестовом походе и о Танкреде заканчивается 1105 годом, и его основная ценность заключена в том, что он представляет нормандскую точку зрения. Он также содержит информацию, отсутствующую у других авторов. Латинский язык отличается совершенством и украшен многими отрывками и цитатами из классических древнеримских писателей. Рауль пишет в основном в прозе. Однако иногда он делает попытки описать в стихах великие события. В целом патриарх Иерусалимский Арнульф имел все основания гордиться достижениями своего бывшего ученика. Хроника была написана где-то между смертью Танкреда в 1112 году и кончиной Арнульфа в 1118-м. Единственная рукописная копия хранится в Королевской библиотеке в Брюсселе. Рассказ Рауля о Святом Копье, относительно которого он придерживается иного мнения, чем Раймунд, переведен в нашей книге полностью.

Достоинства сочинения хрониста Альберта Ахенского являются во многом спорными. Об авторе известно крайне мало. Считается, что он был каноником одной из церквей Ахена в середине XII века. По его собственному признанию, сам Альберт никогда не был в Святой земле. Тем не менее он написал историю Первого крестового похода и Латинского королевства Иерусалима, доведя повествование до 1120 года, которая сохранилась в 12 рукописных копиях (*Liber Christiane expeditionis pro ereptione, emundatione, restitutione Sanctae Hierosolymitanae*). Написана она была, следовательно, между 1120 годом и серединой столетия. Альберт получал информацию, как он сам говорил, из рассказов и записей участников похода. Зачастую история приобретает явно фантастический характер, однако сам рассказ вполне выдерживает сравнение с другими хрониками. В нем имеется много фактов, которые отсутствуют в других сочинениях на эту тему. Высказывались предположения, что большая часть материала была взята из Лотарингской хроники, ныне утраченной, что выглядит вполне правдоподобно, но недостаточно обоснованно. Во всяком случае, информацией, содержащейся в хронике, нельзя пренебрегать, она может быть достаточно ценной. Пока не будут найдены дополнительные доказательства, вопрос не может быть решен положительно. В нашей книге переведены отрывки, касающиеся Крестьянского крестового похода и похода Готфрида к Константинополю.

Были переведены также три работы, авторы которых присутствовали на соборе в Клермоне. Они были выделены в отдельную группу как литературные произведения. Ни один из авторов не участвовал в походе, но каждый написал о нем свою историю, что свидетельствовало о глубоком интересе европейцев к данной теме. Все три автора занимали высокое положение в Церкви, и каждый стремился переписать «Деяния», язык которых был, по их мнению, груб, придав этому труду более литературную форму. Им удалось это сделать в различной степени, однако их имена помнят, в то время как имя подлинного автора «Деяний» безнадежно потеряно. Роберт Монах был аббатом монастыря Святого Ремигия в Реймсе в 1094 году, позднее был принужден удалиться в обитель Сенук. Он написал свою «Иерусалимскую историю» (*Hierosolymitana Expeditio*) около 1107 года по просьбе Бернара, аббата монастыря Мармутье. Повествование, полностью основанное на «Деяниях», лишь немного дополняя их, было очень популярно в XII столетии. Оно сохранилось более чем в восьмидесяти рукописных копиях. Бальдерик, аббат монастыря Бургей и архиепископ Дольский, после 1107 года, подобно Роберту Монаху, незначительно дополнил «Деяния», и его «Иерусалимская история» (*Historia*

Hierosolymitana) тоже снискала популярность в народе. Она сохранилась в семи рукописях. Но самое выдающееся из всех трех повествований принадлежит аббату Гвиберту, настоятелю Ножана в 1104–1121 годах. Он написал «Деяния Бога через франков» (*Gesta Dei per Francos*) в 1108–1112 годах и посвятил свой труд Лизиарду (Лизьяру), епископу Суасона. Гвиберт Ножанский был одним из ведущих ученых своего времени, хорошо знавший классическое наследие древности, которое столь украсило его историю крестовых походов. Он также хорошо разбирался в происходивших в Северной Франции событиях. В дополнениях к «Деяниям» содержится много ценных замечаний о вождях крестового похода из этого региона. Сохранились четыре копии этого труда.

Терминология

При переводе была предпринята попытка воспроизвести, насколько это было возможно, стиль и манеру автора оригинального произведения. Несмотря на то что хронисты писали на одном и том же языке, они пользовались различной лексикой и идиомами при описании важных событий и повседневных дел. Текст во многом потерял бы свое своеобразие, если бы перевод был сделан с помощью современной лексики. Для читателя, интересующегося обычаями и бытом далекой от нас эпохи крестовых походов, как нам представляется, полезно сделать некоторые замечания и пояснения, касающиеся исторической терминологии.

Личные имена и названия мест

Имена людей и названия мест воспроизводятся по-разному не только у разных авторов, но и у одного и того же повествователя. Это касается в первую очередь восточных имен и названий, но то же самое можно утверждать и в отношении названий Запада, что свидетельствует о том, как мало знали жители Европы о мире в XI столетии. Надо помнить, что столь обычные для современников географические словари и другая справочная литература в Средневековье отсутствовали, а газет и других периодических изданий просто не существовало. Описание мира можно было найти только в произведениях классических авторов древности и в произведениях Отцов Церкви. Неудивительно, что многие местности и города у таких высокообразованных хронистов, как Эккехард, Рауль или Гвиберт, носят римские названия. Менее известные авторы часто на слух воспринимали те или иные названия и в таком виде записывали их на бумаге. Они следовали своим правилам фонетики и произношения, и, учитывая условия, в которых они трудились, их усилия заслуживают признания. Для того чтобы избежать путаницы в названиях, правила произношения были унифицированы. В книге в большинстве случаев используются исторические названия, но там, где это возможно, их заменяют современными.

Значительные трудности возникают при идентификации названий тех или иных мест, которые приводят авторы. Трудно ожидать, что хронисты могли вспомнить спустя много лет точное название и расположение тех незнакомых местностей, через которые проходила армия. Названия тех городов и иных населенных пунктов, где они останавливались на длительное время или в которых произошли какие-либо важные события, они помнили достаточно хорошо. Другие, менее известные, едва могли вспомнить. Все упомянутые места, чье положение можно было с уверенностью идентифицировать, наносились на карту.

Такие имена, как Балдуин, Готфрид и Стефан, встречались довольно часто, и написание их различалось не сильно. Но, к примеру, имя Адемар, который был представителем папы в походе, могли записать и как Хаймарус, Адемарус, Аймарус и прочее. Гвиберт, описывая назначение папского викария для похода, признает, что он не знает его имени, что характеризует разобщенность между людьми в то время. Имена западных вождей похода стандартизированы. Имена восточных деятелей были сложны для передачи, и потому с ними часто возни-

кает путаница. Иногда в случае с теми персонажами истории, что упоминаются один-два раза, складывается впечатление, что под одним и тем же именем скрываются разные люди. Так, имя Готфрид де Латур пишется то как Гульфер де Датюр, то как Госфрид де Дастур. Этот пример показывает нам, что уже начали появляться прозвища. Интересным фактом было наличие в войске множества людей, что носили одинаковые имена: Раймунд, Роберт, Стефан и Балдуин, так что крестоносцы часто были вынуждены разбираться, кто есть кто, что впоследствии дало начало геральдике.

Единицы времени

Читатель, несомненно, будет удивлен отсутствием точных указаний на время происшедших событий, что совсем не характерно для современного индустриального общества. Даже год не был мерилom времени; автор «Деяний франков» упоминает его только один раз на протяжении всего повествования, охватывавшего четыре года. Раймунд Ажильский вряд ли упоминает его чаще. Более образованный Фульхерий использует его в оценке времени, но скорее для украшения речи, а не потому, что ему это необходимо для фиксации событий. Для того чтобы показать, когда они произошли, обычно называют день памяти того или иного святого или церковного праздника, в который они имели место. Подобной унифицированной практике следовали благодаря влиянию Церкви все хронисты, и она же вошла в быт людей всей христианской Европы. И только необходимость определить, на какой день месяца приходился подвижный праздник Пасхи, заставляла Церковь придерживаться календаря. Старый римский календарь тоже продолжал сохраняться, несмотря на попытки Церкви вытеснить его христианским летоисчислением. В результате сохранялись календы, ноны, иды, а дни недели носили древнеримские названия одновременно с канонической нумерацией, начинавшейся от дня Воскресения Господня. Время дня называли согласно богослужебной практике: канонические часы, утренья, 1-й, 3-й, 6-й и 9-й час, вечерня и полунощница. Хотя в народе часто говорили «когда петух пропоет» и «на заре», и ходили другие подобные выражения. Время дня и день года иногда отмеряли псалмами и обычными молитвами. Какие-либо местные особенности измерения времени, обычная практика для Запада, крайне редко встречаются в хрониках.

Счет

Числа, которые используют средневековые авторы при указании на количество людей, озадачивают современных исследователей. Для того чтобы точнее определить численность, стало почти правилом разделить приводимые хронистом цифры на десять. Возможно, было бы правильней считать почти все числа свыше одной тысячи как фигуру речи, цель которой – произвести впечатление присутствия множества людей. Использовались только римские цифры, и ни один средний писатель или средний читатель того времени не был силен в арифметике. Представлялось сложной задачей описать, а также различить нецелое шестизначное число. Помимо чисто технической сложности задачи, лишь немногие имели опыт обращения с подобными большими суммами. Коммерческие, церковные и военные учреждения весьма небрежно обращались с большими цифрами, не имея в этом никакого опыта. В результате хронисты были просто поражены, оказавшись в гуще огромной крестоносной армии. Ничто из их прежнего опыта не могло помочь им определить ее численность. Они часто приводили в качестве оценки фразы «неисчислимая» и «бесчисленная», подобная «морскому песку» и «осенним опавшим листьям». Это настолько же точно отражало численность войска, как и приводимые ими цифры. Точное число участников Первого крестового похода не может быть определено с достаточной степенью точности. Еще не существовало списков личного состава. Также весьма сомнительно, чтобы вожди даже лучше организованных войск, таких как войска Раймунда

и Готфрида, точно знали количество сопровождавших их людей. Более авантюрные по своему складу рыцари постоянно совершали вылазки во главе небольших отрядов, отделяясь от основной массы войск. Наиболее робкие рыцари плелись в конце или дезертировали; а новые энтузиасты присоединялись почти на каждой остановке армии. Поэтому численность ее ото дня ко дню постоянно менялась. Фульхерий заявил, что, если бы все, взявшие на себя крест, дошли до Никеи, их было бы 6 миллионов вместо шести сотен тысяч вооруженных людей на самом деле. Скорее имелось в виду пропорциональное соотношение, чем реальные цифры. По современной оценке, численность армии, вышедшей из Никеи, равнялась 105 тысячам человек. Эта цифра была определена опытным путем: в основу расчетов было положено время, необходимое для перехода армии через определенный мост, связывавший европейский берег с Малой Азией. Объединенная армия достигла тогда максимальной численности, но вскоре она резко сократилась, и цифры, приводимые хронистами, становились все более точными. Так что, когда Фульхерий называет число солдат в гарнизоне, оставленном крестоносцами в Иерусалиме, в несколько сотен человек, его словам можно верить.

Если авторам хроник было трудно разобраться с числом собственных войск, то их оценка сил противника несколько озадачивает. Рассказав о всех произошедших за почти тридцать лет сражениях с турками и сарацинами, Фульхерий приходит к заключению: «Что касается погибших и раненых воинов в той или иной битве, то никто не может точно определить их число, но только приблизительно, настолько велики потери. Очень часто, когда повествователи идут на заведомый обман, причина этого заключена в том, что они явно льстят победителям, хотят возвеличить их славу и доблесть воинов своей родной страны и сохранять память о них в будущем. Вот почему они настолько глупо искажают действительность, преувеличивая потери врага и преуменьшая или даже вовсе сохраняя молчание о собственных потерях». Однако критический подход не был присущ авторам и даже самому Фульхерию.

Деньги и цены

В Европе все еще продолжало господствовать натуральное хозяйство, когда начался Первый крестовый поход. Деньги были мерилом богатства и роскоши, но нисколько не средством повседневного расчета. Даже обычные государственные обязательства погашались натурой, а не деньгами. На Западе не было единой монеты для всех стран. Своими монетными дворами владели многие крупные феодалы. Существовали общие для Европы денежные единицы для выражения стоимости. Например, либра, или фунт, который равнялся 20 солидам, или шиллингам, и был эквивалентен 240 денариям, или пенни; существовала также марка, соответствовавшая $\frac{2}{3}$ либры, или 160 денариям. Но когда подобные названия получили монеты, находившиеся в обращении, их стоимость уже зависела от их состава. Самое большое хождение имел денарий. Обыкновенно он чеканился из серебра, но иногда это был сплав, или же он был полностью из меди. Были денарии большой и малый, последний часто назывался оболлом. Подлинная ценность монеты зависела от конкретного монетного двора, на котором она чеканилась, и зависела от веса. Раймунд упоминает о семи денариях из одного района Европы, имевших хождение в армии. Их ценность была разной; она понижалась, если у монеты были обрезаны края. При этом использовались и другие схожие приемы, однако подобная практика не получила столь большого распространения, как впоследствии. Принимая во внимание подобные факты, крайне сложно давать точную оценку денежных сумм, находившихся в обороте. Однако, когда речь идет о западных монетах и денарии, сведения более надежны. Солиды, либры и марки – монеты, использовавшиеся при расчетах; они были очень удобны при определении больших сумм в денариях. Обычно серебряный денарий весил от 20 до 24 граммов; для сравнения – американская монета в 10 центов весит 38,5 грамма. На Востоке крестоносцы

встретились с золотыми монетами – византийскими безантом и перпером и золотым безантом сарацин. Константинопольский безант весил около 65 граммов, американский золотой доллар весит около 25 граммов. Перпер, у которого есть также другие названия – иперпер, иперперон, менее известен. Его стоимость, как утверждает автор «Деяний», была равна 15 солидам, или 180 денариям. Золотой безант сарацин, латинское название арабского динара, был почти равен по весу и подлинной ценности безанту византийцев. Пытаясь найти современные эквиваленты этих монет, следует помнить о соотношении цены золота и серебра в Средние века. Еще одной монетой на Востоке был тартарон (tartaron), дешевая медная монета с менявшейся стоимостью.

С точки зрения экономистов, Первый крестовый поход был одним из основных факторов перехода Европы от натурального обмена к денежному обороту, который не завершился с окончанием эпохи крестовых походов, но все же стал большим шагом вперед. Деньги были необходимы для оплаты расходов во время похода, и крестоносцы прибегали к любым средствам, чтобы только заполучить их. Они пытали евреев, плавили серебро, отдавали в залог земельную и прочую собственность и продавали свои товары по смехотворным ценам. Деньги, бывшие в дефиците, росли в цене. Как сообщает хронист Альберт Ахенский, некий крестьянин продал семь овец за один денарий. Обычно обед работника стоил один денарий, однако во время крестового похода сложились ненормальные условия, которые сохранялись на всем его пути. Уже только на этапе подготовки к походу повысился обменный курс денег. Возникли проблемы со снабжением продовольствием большого количества людей, прибывавших в города, что вызвало невероятный рост цен. Во время голода цены на продукты питания настолько повышались, что если крестьянин в Рейнской области был вынужден платить за семь овец один денарий, то во время осады Антиохии войсками Кербогий тот же крестьянин выменивал за денарий всего один орех. Крестоносцы невольно стали жертвой закона спроса и предложения, но, не зная о нем, они обвиняли в своих несчастьях жадность армян и греков. Однако они поняли ценность денег, и на территории сарацин они старались не упускать любую возможность их приобретения, будь то в виде налогов и иных поборов или путем открытого грабежа. Иногда крестоносцы просто сжигали тела убитых ими врагов, чтобы заполучить монеты, которые, как они считали, те прятали на своем теле или проглатывали. Осознание роли денег и их ценности было важным вкладом в западную жизнь возвращавшихся из похода крестоносцев. Византийский безант и безант сарацин стали хорошо известными монетами в Европе.

Состав армии, оружие и военные орудия

В Европе армии крестоносцев как единого целого не существовало. Представитель римского папы Адемар, выполнявший все его поручения в Никее в первое время, был светским и церковным главой похода вплоть до своей смерти в Антиохии 1 августа 1098 года. По тактическим соображениям крестоносцы выбрали Стефана Блуаского главой похода через Малую Азию; после него какое-то время в этой роли выступал Боэмунд. Однако эти вожди похода не имели, можно сказать, реальной власти, за исключением краткого периода осады Антиохии Кербогий, когда Боэмунду была вручена вся власть. Обычно политические вопросы решались на совете всех предводителей похода, мирских и церковных. В практических целях каждый отряд представлял собой чуть ли не отдельную армию, и все вопросы рассматривались на общем его совете. Командиры отдельных отрядов часто должны были использовать всевозможные средства убеждения, чтобы держать в повиновении своих своевольных и импульсивных вассалов. Снова и снова приходилось их уговаривать, обещать повышенную плату, а иногда и прибегать к угрозам. Единственное, что могло обеспечить послушание, была феодальная присяга вассала на верность своему господину. Однако условия похода настолько отличались от европейских, что следовать обычным феодальным обязательствам не всегда удавалось. В результате наиболее авантюрные рыцари часто без спроса объединялись в отряды и отправля-

лись в набеги ради добычи. Дезорганизация еще более усиливалась из-за присутствия в войске нестроевых частей. Люди обоих полов и всех возрастов присоединялись к армии для выполнения разных черновых работ по различным причинам. Это были крестьяне со своими семьями, хотевшими улучшить свое материальное положение и удовлетворить духовные запросы; женщины, жены крестоносцев и настоящие авантюристки; благочестивые пилигримы всех возрастов; клирики и монахи. В Никее эти толпы, вероятно, превосходили по численности рыцарей и воинов, и, кроме того, они были страшной помехой для армии.

Войско состояло из конных рыцарей и более или менее вооруженных пехотинцев. Вначале все рыцари, вероятно, были благородного происхождения, но со временем ситуация изменилась. Иногда благородным рыцарям приходилось передвигаться на быках и других тягловых животных или идти пешком. Простолудины пехотинцы сами добывали себе лошадь или мула и оружие, и со временем они становились достойными звания рыцаря, так что, когда армия подошла к Иерусалиму, большое количество так называемых рыцарей уже не были благородного происхождения.

Рыцарь, защищенный нагрудником, кольчугой и щитом, вооруженный копьем и обоюдоострым мечом, был опорой армии. Его оруженосцы, также конные, обычно сопровождали рыцаря в битве. Пехотинцы, основным оружием которых был лук или арбалет и метательное копье, взламывали передовую линию вражеского войска в начале сражения и справлялись с потерявшими коней воинами противника после лобовой атаки рыцарей. Нестроевые воины подносили сражавшимся бойцам воду, заботились о раненых и помогали собирать трофеи. Клирики преподавали причастие перед сражением и молились во время его. Таково было поведение крестоносцев на поле боя. Однако тактика турок была несколько иной. Этот враг, обычно сражавшийся на быстрых конях и вооруженный небольшими луками, имел обыкновение окружать крестоносцев, не идя с ними на сближение. Их стрелы тучами обрушивались на рыцарей с целью поколебать их ряды, и обычно они наносили большой урон слабо защищенным доспехами пехотинцам. Если туркам не удавалось с помощью этого приема рассеять ряды крестоносцев, они притворно обращались в бегство, рассчитывая на то, что они начнут неорганизованное преследование. И тогда турки, повернув вспять, смогут отрезать основные силы противника. Император Алексей дал ценный совет крестоносцам по поводу подобной тактики². Собственный опыт оказался лучшим учителем, так что крестоносцы регулярно выстраивали защитную линию для прикрытия тыла и флангов, как и по фронту, и не бросались сразу же в погоню за врагом.

Осадное дело было менее известно европейцам, они привыкли к бою на открытой местности. На большей части Западной Европы количество каменных сооружений было значительно меньшим, чем во времена Римской империи. На Востоке строительство не прекращалось. Итальянцы имели в этом несколько больший опыт, чем страны к северу от Альп. Но всем им еще предстояло многому научиться. Военные инженеры Константинополя дали крестоносцам несколько важных уроков по искусству осады на примере осажденной Никеи. Появилась необходимость в строительстве более мощных метательных орудий, которые могли бы использовать не только камни, но и стрелы. Существовало два вида орудий: баллисты, которые выстреливали с мощной силой тяжелые стрелы («болты»), и камнеметы (petraria), предназначенные для метания огромных камней. Камни улетали в цель, когда отпускали накрученную на ворот веревку или резко сбрасывали тяжелейший противовес. Для увеличения силы этих машин были придуманы особые приспособления. Во время похода, однако, они не слишком проявили себя при обстреле стен. Обычно они были более эффективны при борьбе с защитниками стен, нанося им большой урон. Использовались также тараны различного типа. Для защиты осаждавших применялись мантелеты – щиты больших размеров на колесах, которые

² Горький опыт битвы при Манцикерте (Малазгирте) в 1071 г.

делали из дерева. Нередко прибегали к подкопам под стены, но наиболее действенным средством при осаде сильно укрепленного города было применение больших передвижных башен и взятие его в блокаду. Боевые башни успешно использовались при осаде Марры и Иерусалима, блокада помогла взять Никею и Антиохию. Об этом подробно рассказывается в книге. Осадные деревянные лестницы играли вспомогательную роль, их применяли при штурмах Марры и Иерусалима, и особенно Кесарии. Во всех этих предприятиях был большой спрос на опытных инженеров, требовалось также множество неквалифицированной рабочей силы. Замечательно, что греческие восточноримские инженеры участвовали в осаде Никеи и Антиохии, итальянские специалисты – в осаде Антиохии и Иерусалима. Европейцам, правда, пришлось много учиться, но то, что обучение шло весьма быстро, показывает не только их успех при взятии Иерусалима, но и появление сильно укрепленных замков в Западной Европе на протяжении XII столетия.

Пролог

Фульхерий Шартрский

Радостно не только для живущих, но и полезно даже усопшим, когда в собрании верующих с рассуждением читают вслух о подвигах храбрецов, а особенно тех, кто сражался во имя Господне. Ибо, услышав о благочестивых намерениях тех, кто жил до них, – как, отвергнув славу мира, оставив своих родителей, жен и отрекшись от каких бы то ни было благ, они прилепились к Господу и последовали за Ним по слову Евангелия, – те, кто живет в мире, вдохновляются Им и призываются горячо любить Его. Это действует благотворно даже в отношении тех, кто мертвы в Боге, поскольку верные, прослышав об их добрых и благочестивых деяниях, будут молиться за них и подавать в их честь милостыню, независимо от того, знают они их или нет.

Отвечая на просьбы бывших соратников, я рассказал подробно и последовательно о славных подвигах франков в честь нашего Спасителя, когда по велению Божьему они совершили, препоясав себя мечом, паломничество в Иерусалим. В непритязательной манере, но тем не менее не уклоняясь от правды, я поведал о том, что считаю достойным для увековечивания, и рассказал, как только мог, обо всем увиденном мною. Хотя я не осмеливаюсь поставить деяния франков в один ряд с выдающимися свершениями народа Израиля, семьи Маккавеев³ или каких-либо других народов, которых Бог почтил столь частыми и замечательными чудесами, все же я считаю, что их действия нисколько не умаляются от этого, и Господь также и им посылал знамения. О них я тоже собираюсь рассказать в моем повествовании.

В чем же действительно франки отличаются от израильтян и Маккавеев? В тех странах я видел, и это было рядом со мной, как им отрубали конечности, распинали, сдирали с них кожу, убивали стрелами, безжалостно вырезали и убивали другими различными способами; и все они это претерпевали ради любви Христовой. Слышал я об этих мучениях и когда был далеко от этих мест. Однако их не могли сломить ни угрозы, ни лстивые уговоры! Нет, если бы вдруг палач занес над нами меч, многие из нас не отказались бы погибнуть ради любви к Господу. А сколько тысяч мучеников умерли блаженной смертью во время похода! Кто настолько жестокосерд, если, услышав об этих подвигах, не испытает прилив глубочайшего благочестия и не возблагодарит Бога в своих молитвах? Кто не удивится, как мы, малое число верных в земле врагов, были способны не только оказывать отпор, но и жить? Кто когда-либо слышал о подобном? По одной стороне от нас были Египет и Эфиопия; по другой – Аравия, Халдея, Сирия, Парфия, Месопотамия, Ассирия и Мидия; по третьей – Персия и Скифия. Великое море отделяло нас от христианского мира и не мешало нам попасть в руки наших врагов, если бы Бог позволил свершиться этому. Но его десница милостиво оградила нас. «Блажен тот народ, у которого Господь есть Бог».

³ Имеется в виду восстание иудеев в 167 г. до н. э. (после разграбления Антиохом IV Иерусалима и храма Яхве), которое возглавил Иуда, сын жреца из рода Хасмонеев, прозванный Маккавеем («Молотом») и борьба его потомков после гибели Иуды Маккавея в 160 г. до н. э. и очередного разгрома иудеев Антиохом IV. В конце концов иудеи, используя трудности в царстве Селевкидов (на западе и востоке), добились самостоятельности, затем Антиох VII Сидет снова подчинил Иудею, но в 129 г. до н. э. погиб вместе с войском в походе в Парфию, после чего Иудея снова стала самостоятельной, правящей династией были Хасмонеи (Маккавеи). Однако Рим, контролировавший ситуацию и в Восточном Средиземноморье, в 63 г. до н. э. решил вмешаться и подчинил и остатки империи Селевкидов, и Иудею – в последней после разгрома в 63 г. до н. э. Иерусалима Помпеем и осквернения им храма римляне решили сохранить марионеточное царство (в 37 г. до н. э. последнего Маккавея, Антигона, сверг показавшийся Риму более удобным Ирод, провозгласивший себя царем Иудеи еще в 40 г. до н. э. – при поддержке римлян), в 44 г. н. э. окончательно превращенное в римскую провинцию, где в 66–67 гг. н. э. произошла жесточайшая Иудейская война – восстание иудеев и их разгром Римом.

История, которая будет здесь рассказана, объяснит, как все эти деяния начинались и как весь народ Запада поднялся однажды и отправился в столь великий поход, отдавшись ему душой и телом.

Глава 1

Призыв

Вслед за предисловием Фульхерия, которое вполне подходит и для нашей книги, следует глава, рассказывающая о начале крестовых походов Запада. Историческая обстановка в Европе накануне их – слишком большая и сложная тема, чтобы можно было подробно ее здесь рассмотреть, однако Фульхерию удалось нарисовать емкую и эмоциональную картину той эпохи, которую дополняют заметки Эккехарда о совершенно ином образе жизни Востока, нежели в государстве западных франков [Франции]. Причины крестового похода становятся понятными из речи папы Урбана II в Клермоне.

Собор в Клермоне продолжался с 18 по 28 ноября 1095 года в течение десяти дней. Накануне его закрытия папа произнес свою знаменитую речь. Четыре хрониста, предположительно присутствовавшие на соборе, изложили ее семь лет спустя, причем каждый описывал ее по-своему. Версия Фульхерия была, по-видимому, самой первой. У каждого вполне могли остаться письменные воспоминания о соборе. Однако интересен тот факт, что каждый выделил ту часть речи, которая произвела на него наибольшее впечатление. Роберт Монах воспринял ее как патриот-француз, Бодри – как церковный иерарх, Гвиберт Ножанский – как мистик, Фульхерий – как простой кюре. Все хронисты отмечали, что большинство аудитории папы составляли клирики, которые, вернувшись в свои округа, стали неофициальными проповедниками крестового похода. На это указывает также письмо папы крестоносцам Фландрии, написанное меньше чем через месяц после окончания собора, которое было наполовину просьбой, наполовину инструкцией для рыцарей, уже собиравшихся в поход. Урбан II обращался к верующим и в других местах Франции, прежде чем вернуться в Италию, чтобы уже там призвать людей к походу; но он не поехал в Германию по причинам, о которых упоминают Фульхерий и Эккехард. Призыв папы, хотя и не прямо, но прозвучал и там, о чем говорится во 2-й главе книги. Он продолжал оставаться актуальным вплоть до кончины папы и после нее.

Европа накануне крестового похода

Фульхерий Шартрский

В год от воплощения Господа 1095-й, когда в Германии правил так называемый «император» Генрих, а во Франции – король Филипп I, зло усилилось по всей Европе по причине ослабления веры. [Получив императорскую корону в 1084 г., Генрих IV изгнал папу Григория VII из Рима и поставил на его место антипапу Климента III, поэтому ни один сторонник истинного папы не признавал Генриха IV императором.] Папа Урбан II правил тогда в городе Риме. Он был человеком праведной жизни, всегда стремившимся, поступая мудро, возвысить Святую Церковь.

Но дьявол, который всегда желает погибели людям и ходит, рыча подобно льву, ища, кого бы пожрать, к великому смущению людей, восстановил некоего соперника Урбану II по имени Гвиберт (Гиберт, Виберт). Одолеваемый гордыней и поддерживаемый уже упомянутым бесчестным императором баварцев, Гвиберт попытался незаконно захватить папский престол [став альтернативным папой Климентом III] в то самое время, когда Григорий VII, или Хильдебранд, предшественник Урбана, был законным папой. И он сделал так, что Григорий VII был принужден оставить престол святого Петра. И лучшие люди отказались признать Гвиберта, потому что поступал он незаконно. После смерти Хильдебранда [Григория VII] Урбан II, законно избранный, получил благословение от кардиналов, и многие признали его власть. Гвиберт, однако, опираясь на поддержку вышеупомянутого императора и граждан Рима, пре-

пятствовал некоторое время Урбану II возглавить римскую кафедру. Но Урбан II, хотя и возбранили ему возвратиться к служению Церкви, отправился в паломничество по стране, примиряя с Господом рассеявшуюся паству. Гвиберт, гордясь своим положением возглавителя Церкви, оказался среди грешников и, исполняя обязанности папы, хотя и незаконно, окруженный своими приверженцами, вменил ни во что все акты Урбана II. Но в тот год, когда франки впервые прошли через Рим по пути в Иерусалим, Урбан II восстановил свою власть папы в полной мере и повсюду с помощью некой благородной матроны Матильды [графиня Тосканская, давала прибежище папе Григорию VII в Каноссе зимой 1076/77], имевшей большое влияние в империи. Гвиберт же был тогда в Германии. Итак, стало двое пап; и многие недоумевали, кому оказать послушание, и к советам которого из них следует прислушиваться, и кто бы мог покончить с бедами христианства. Одни поддерживали одного, другие – другого. Но было понятно людям рассудительным, что Урбан II был лучшим, поскольку тот считается лучшим, кто обуздает свои страсти, борясь с ними, как с заклятым врагом. Гвиберт был архиепископом города Равенны. Он был человеком очень богатым, был в почете и благоденствовал. Достойно удивления, что столь большие богатства его не удовлетворяли. Неужели примером праведной жизни можно было считать поведение того, кто привык жить в роскоши, кто нагло узурпировал скипетр Всемогущего Бога? Истинно говорится, что трон первосвященника не должно захватывать силой, но принимать эту честь со страхом и смирением.

Чему удивляться, что весь мир стал ареной раздоров и беспорядка? Ведь когда католическую Церковь, которая есть источник правил для всего христианского мира, тревожит какой-нибудь разлад, скорбь передается от ее главы к членам, которые зависят от нее и тоже испытывают страдания. Эта Церковь – наша мать, от ее груди мы питались, ее учением мы научались и укреплялись, ее советов слушались, и именно ей обуянный гордыней Гвиберт нанес урон. Потому что если глава заболевает, то будут болеть и другие члены. От больной главы болезнь распространяется по онемевшим членам. Так, по всей Европе открыто выступают против мира, попирается доброта и вера, как в Церкви, так и вне ее, как в верхах общества, так и в его низах. Необходимо положить конец этому злу и в согласии с призывом папы Урбана II обратить силы, которые тратятся на междоусобные войны, против язычников...

Он видел, что христианство умалывается среди всех, как клириков, так и мирян, и о мире не пекутся; напротив, земные князья постоянно враждуют друг с другом, то те, то другие постоянно выясняют между собой отношения. Он видел, как у землевладельцев отнимают плоды их труда; как многих из тех, кто несправедливо был брошен в мрачные тюрьмы, выкупают за большие деньги; он видел, как людей мучат там три беды – голод, жажда и холод, и как их просто оставляют умирать в неизвестности. Он также видел, как оскверняют святые места, а монастыри и дворцы уничтожают пожары, как не только страдает простой человек, но и все божественное и человеческое подвергаются осмеянию.

Когда он также услышал о том, что исконные области ромейской державы [Восточной Римской империи] находятся под гнетом турок, а христианские поселения постоянно подвергаются разрушительным и жестоким нападениям, его охватило глубокое чувство сопереживания. И, понуждаемый любовью Божией, он пересек Альпы и пришел в Галлию. Затем он созвал собор в Клермоне в Оверни, о котором глашатаи разнесли весть во все концы. Считается, что там собралось 310 епископов и аббатов, имевших право носить епископский посох. Когда они собрались в день, предназначенный для открытия собора, Урбан II обратился к ним с воззванием о цели собора. Выступая от лица бедствующей Церкви, он долго говорил о тех беспорядках и волнениях, которые, как уже упоминалось выше, сотрясали мир, посеяв сомнения в вере. Затем, как проситель, он призвал их восстановить полноту своей веры и, собрав все силы, противостоять козням дьявола и вернуть Святой Церкви, ныне безжалостно терзаемой нечистым, ее изначальную чистоту.

«Дорогие братья, – начал он свою речь, – я, Урбан, увенчанный с разрешения Господа папской тиарой и будучи духовным властителем над всем миром, явился сюда к вам, слугам Божиим, во время большой беды, как посланец Божественной воли. Я хочу, чтобы те, кого я считаю добрыми и верными пастырями Господа, освободились от позорного лицемерия. Так что, если есть в вас расположение к нечестию, противному Божественному закону, оттого, что вы потеряли способность к рассуждению и приверженность справедливости, я горячо призываю вас к немедленному исправлению с Божией помощью. Потому что Господь сделал вас управителем Его Святого семейства с тем, чтобы вы в свое время поставили ему приятную на вкус снедь. Вы будете благословенны, если Господь найдет вас верным управителем. Вы также называетесь пастырями; опасайтесь, чтобы вас не обвинили в наемничестве. Будьте верными пастырями и всегда имейте в руках пастушеские посохи. Не спите, но защищайте повсюду стадо, порученное вам. Поскольку из-за вашей беспечности или небрежения приходит волк и уносит овцу. В таком случае вы не только, несомненно, не получите награды от Господа, но после того, как вас подвергнут бичеванию ликторы, вы будете безжалостно брошены в обиталище проклятых. По слову Евангелия: «Вы – соль земли. Если же соль потеряет силу, то чем сделаешь ее соленою?» (Мф., 5: 13). О, как много значит соль! Действительно, вы должны питаться солью вашей мудрости, чтобы исправлять этих глупых людей, стремящихся только к удовольствиям мира, ибо Господь увидит, что они не осолонены, но погрязли в преступлениях, и случится это именно тогда, когда Он возжелает обратиться к ним. Ибо из-за нерадивого исполнения вами вашего долга Он обнаружит в душах их многих червей, то есть грехов, и с презрением Он прикажет выбросить их вон в пропасть вместе с нечистыми. И поскольку вы не сможете объяснить Ему эту потерю, подпав под Его осуждение, Он, несомненно, отлучит вас от Своей любви. Но тот, кто продолжает быть солью, должен иметь благоразумие, рассудительность и миролюбие, быть бдительным, благочестивым, справедливым, беспристрастным и чистым. Ибо как неуч может научить других, распушенный – скромности, нечистый – сделать чистыми других? Как может научить миру тот, кто ненавидит его? Если у кого-то нечистые руки, как он может очистить от грязи руки другого? Ибо написано: «Если слепой ведет слепого, то оба упадут в яму» (Мф., 15: 14). Итак, сначала исправь себя, чтобы ты мог безупречно исправлять тех, кто находится под твоим водительством. Если вы на самом деле хотите стать друзьями Господа, делайте искренне то, что нравится Ему.

Следите за тем, чтобы дела Святой Церкви шли исправно, и не давайте ни в коем случае укореняться среди вас ереси симонии. Не давайте произвести смущение среди вас скупщикам и торговцам, которых изгонял Господь бичом. Не позволяйте, чтобы Церковь подпала под власть светских правителей, но обязательно отдавая Богу одну десятую от плодов земных, ни продавая, ни удерживая их. Если кто поднимет руку на епископа, того нужно отлучать от причастия. Если кто полонит монахов ли, священников ли, монахинь ли и их слуг, или пилигримов и торговцев и ограбит их, то пусть будет предан анафеме. Да будут воры и поджигатели домов и их соучастники в злодеянии отлучены от Церкви и преданы анафеме. Мы должны осознавать, по словам Григория [VII], насколько велико будет наказание тем, кто ворует у своего ближнего; и те навлекут на себя проклятие ада, кто не раздает милостыню из доходов со своих владений. Как надо понимать евангельскую притчу о богаче? Богач был наказан только за то, что плохо распорядился полученным богатством (Лк., 16). Из-за этих грехов, как я уже говорил, обращаясь к вам, возлюбленные братья, мир, в котором вы пребываете, уже давно пришел в расстройство. Даже до такой степени, что в некоторых ваших провинциях, как нам о том сообщают (возможно, что и вследствие вашего нерадения в отправлении правосудия), вряд ли кто осмелится отправиться в путь из опасения нападения грабителей ночью или разбойников с большой дороги днем. По этой причине следует возродить старый обычай Божьего перемирия, который был принят давно нашими святыми отцами и который теперь я искренне умоляю вас начать вновь соблюдать в вашем диоцезе. Но если кто-то, движимый гордыней и

честолюбием, нарушит своевольно этот запрет, то да будет тому анафема властью Господа и по решению нашего собора».

Когда эти и многие другие вопросы были решены, все присутствовавшие, клирики и миряне, возблагодарили Господа и приветствовали господина нашего папу Урбана II, принеся клятву верности и обещая строго соблюдать принятые указы.

Речь-призыв Урбана II к христианам отправиться в крестовый поход 27 ноября 1095 года

«Деяния франков»

И вот уже приблизилось то время, о котором Господь Иисус постоянно напоминает верующим в него, а именно, по словам Евангелия: «Если кто хочет идти за Мною, отвергнись от себя и возьми крест свой, и следуй за Мной» (Мф., 16: 24). Тогда воодушевилась вся Галлия, ибо возжелал народ последовать Богу с ревностью и чистым умом и сердцем, а затем даже взять на себя крест свой и, немедля, избрать путь к Святому Гробу. Римский первосвященник отправился в путь по ту сторону горных областей со своими архиепископами, епископами, аббатами и пресвитерами. И начал с обстоятельностью проповедовать и предписывать, говоря, что если кто пожелает спасти свою душу непорочной, то пусть не усомнится смиренно последовать путем Господа. А если же у кого скуден запас денариев, то божественное милосердие даст достаточно. Владыка апостольский говорил: «Братья, вам следует претерпеть во имя Христа много несчастий, бедности, лишений, гонений, скудости, болезней, голода, жажды и многого другого, ибо Бог сказал своим ученикам: „И будете ненавидимы всеми за имя Мое“ (Мф., 10: 22) – и продолжил: „Велика ваша награда на небесах“» (Мф., 5: 12). Постепенно эта речь стала распространяться по всем галльским землям и отечествам. Бесстрашные франки немедленно стали шить крест на правом плече, говоря, что единодушно последуют по следам Христа, рукой которого они были спасены от тартара [ада]. И вот уже галлы выступили из своих владений.

Фульхерий Шартрский

Но папа сразу же сказал, что другая беда, не меньшая, но более тяжкая, о которой уже шла речь и которая угрожает христианству, исходит из другой части мира. Он сказал: «О, вы, усыновленные Господу, что обещали Ему поддерживать мир более искренне, чем прежде, и защищать права Святой Церкви, предстоит вам очень важное дело, в котором вы должны показать силу вашей доброй воли и исполнить ваш долг, о котором помнит Бог и вы. Должны вы поспешить с помощью вашим братьям, живущим на Востоке, которые нуждаются в ней и о которой они часто просили. Ибо турки напали на них и продвинулись вглубь ромейских земель Средиземноморья, и они с каждым разом все больше земель отвоевывают у христиан, убивают их и берут в плен, разрушают церкви и опустошают Божие царство. Если вы позволите им и впредь поступать таким образом, все больше людей, верных Богу, окажутся под их игом.

Поэтому я возношу свои самые горячие молитвы, чтобы все вы, люди всех сословий, богатые и бедные, рыцари и простые воины, с Божьей помощью искоренили это зло, поразившее земли наших братьев, и помогли христианам. Я обращаюсь к тем, кто присутствует, и к тем, кого здесь нет; но не только я, но и Христос желает этого. И те, кто отправится в дальний путь и потеряет свою жизнь на суше, или на море, или в битве с язычниками, непременно получат отпущение грехов. Это я подтверждаю властью, данной мне Господом. И какое ждет всех бесчестие, если народ, столь презираемый, орудие дьявола, одолеет народ, одаренный верой во всемогущего Бога и осиянный именем Христа! О, как будет упрекать вас сам Господь Бог, если вы не помогли тем, кто, как и вы, уповает на христианскую веру! Позвольте тем, кто привык вести войну против единоверцев, начать войну против неверных, которую следует начать незамедлительно. Позвольте тем, кто долгое время был разбойниками, стать теперь воинами

Христа. Позвольте тем, кто некогда сражался против братьев и близких, сразиться с варварами, как они того и заслуживают. Позвольте тем, кто был наемниками за малую плату, трудиться теперь за вечную награду. Позвольте тем, кто поступал в ущерб телу и душе, теперь трудиться ради двойной славы. На одной стороне будут опечаленные и бедные, на другой – радостные и богатые; здесь – враги Бога, там – Его друзья. Не препятствуйте тем, кто отправляется в путь; но после того, как их дела будут улажены и будут собраны ими деньги на дорогу, когда закончится зима и придет весна, позвольте им отправиться в путь под водительством Божиим».

Роберт Монах

«О, народ франков, народ, проживающий за горами, народ избранный и возлюбленный Богом, о чем свидетельствуют ваши деяния, отделенный от всех народов положением вашей страны, равно как и католической верой и почитанием Святой Церкви! К вам обращена наша речь и к вам – наши увещевания. Мы хотели, чтобы вы знали, какое тяжелое дело привело нас в вашу страну, что за беда, угрожающая вам и всем верным, побудила нас прийти к вам.

От пределов Иерусалима и Константинополя распространилась до нас ужасная весть, а именно, что народ Персидского царства⁴, проклятый народ, народ совсем чуждый Богу, сердце которого никогда не обращалось к Богу и который никогда не поклонялся Ему, вторгся на земли христиан и опустошил их, и погибли многие от меча, грабежей и пожаров. И увели эти воины часть пленных в земли свои, а другую умертвили жестокими пытками; и разрушили христианские церкви или обратили их в места поклонения своим богам. Они разрушают алтари после того, как осквернят их. Они обрезают христиан, а кровью обрезания они или окропляют алтари, или наполняют ею крестильные купели. Когда они хотят запятать людей до смерти, то делают отверстие в пупке и, вытянув часть кишки и закрепив ее на столбе, плетью подгоняя узника, силой заставляют идти вокруг столба до тех пор, пока все внутренности его не вывалятся наружу, и тогда жертва падает бездыханной на землю. Иных они привязывают к столбу и расстреливают стрелами, иных понуждают вытягивать шею, а затем они пытаются одним ударом сабли отрубить несчастным голову. Что мне сказать об ужасном бесчестии, что претерпевают женщины? Говорить об этом хуже, чем молчать. Царство греческое [Восточная Римская империя] теперь распалось благодаря им и лишилось такого количества земель, что их не обойти и в течение двух месяцев. На ком теперь лежит обязанность отомстить за все эти злодеяния и отвоевать отпавшие земли, как не вас? Вас, кого Бог возвысил над всеми народами за вашу боевую славу, отчаянную смелость, телесную крепость и силу, вам надо смирить тех, кто сопротивляется вам.

Да подвигнут вас к подвигам и воспламят души ваши деяния ваших предков, слава и величие короля⁵ Карла Великого и сына его Людовика⁶, и других государей ваших, которые разрушили царства язычников и раздвинули там пределы Святой Церкви. Особенно же пусть побуждает вас Святой Гроб Господень, Спасителя нашего гроб, которым ныне владеют нечестивые, и святые места, которые ими подло оскверняются и постыдно нечестием их мараются. О, доблестные воины и отпрыски непобедимых предков, не вздумайте отречься от славного наследия, но припомните доблесть ваших праотцев!

И если вас удерживает привязанность к детям, родителям и женам, вспомните, о чем говорит Господь в Евангелии: «Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня;

⁴ Имеются в виду турки-сельджуки, захватившие огромную территорию на Ближнем и Среднем Востоке от Малой Азии до Бухары и Самарканда в Средней Азии; резиденция сельджукских султанов при Мелик-шахе (1072–1092) была перенесена из Мерва в Исфахан в завоеванном при султани Алп-Арслане (1063–1072) Иране (Персии). Во время Первого крестового похода правил сын убитого в 1092 г. ассасинами Мелик-шаха Беркиарук (с 1094 по 1104 г.), при нем усилились сепаратистские тенденции.

⁵ Король франков с 768 г., с 800 г. – император (до своей смерти в 814 г.).

⁶ Людовик I Благочестивый (778–840, франкский император 814–840 гг.).

и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто не берет креста своего и следует за Мною, тот не достоин Меня» (Мф., 10: 37–38), «И всякий, кто оставит дома, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли ради имени Моего, получит во сто крат и наследует жизнь вечную» (Мф., 19: 29). Да не удерживают вас никакие ваши достояния, да не беспокоят какие-либо семейные дела; ибо земля эта, которую вы населяете, заключенная со всех сторон морем и окруженная горными вершинами, слишком мала для вас; обилием же богатств не отличается и едва ли прокармливает тех, кто ее обрабатывает. Отсюда проистекает то, что вы убиваете и пожираете друг друга, ведете войны и наносите друг другу множество смертельных ран. Пусть же исчезнет меж вами ненависть, пусть прекратится вражда, утихнут войны и уснут всяческие распри. Станьте на стезю, ведущую к Святому Гробу, верните себе землю эту, находящуюся под властью нечестивого народа, покорите ее себе. Земля же та, как говорит Писание, «где течет молоко и мед» (Исх., 3: 8), и дана она была Богом во владение детям Израиля.

Иерусалим – это пуп Земли, край, плодоноснейший по сравнению с другими, земля эта подобна второму раю. Ее прославил Искупитель рода человеческого своим приходом, украсил ее своими деяниями, освятил страданием, искупил смертью, прославил погребением. И этот царственный град, расположенный посреди земли, ныне находится в полоне у своих врагов, не знающих Господа. Он стремится к своему освобождению и не перестает взывать к вам прийти ему на помощь. Требует он ее, в особенности от вас, ибо, как мы уже сказали, пред прочими народами вы удостоены Богом замечательной силой оружия. Вступайте же на эту стезю во искупление грехов, будучи преисполнены уверенностью в незапятнанной славе Царствия Небесного».

Когда папа сказал в своей речи об этом и многом другом в этом роде, всех, кто там был, соединило общее чувство, так что возопили: «Так хочет Бог! Так хочет Бог!» Услышав это, достопочтенный владыка римский, возведши очи к небесам, возблагодарил Бога и, мановением руки потребовав тишины, продолжил свою речь.

«Дражайшие братья, сегодня вы воочию показали то, о чем Господь говорит в Евангелии: „Ибо, где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них“ (Мф., 18: 20). Если бы не Господь Бог, который присутствовал в ваших помыслах, не раздался бы столь единодушный глас ваш. И хотя исходил он из множества уст, источник его был единым. Вот почему говорю вам, что это Бог исторг из вас подобный глас, который Он вложил в вашу грудь. Пусть же станет он вашим боевым кличем в битве, потому что сам Бог даровал его вам. И когда в сражении устремитесь вы на врага, пусть все воины Божьи издадут этот клич: „Так хочет Бог! Так хочет Бог!“

И мы не призываем и не увещеваем, чтобы отправлялись в этот поход старцы и слабые люди, которые не владеют оружием; и пусть никоим образом женщины не пускаются в путь без своих мужей, либо братьев, либо законных стражей. Они ведь являются больше помехой, чем помощью, больше бременем, чем поддержкой. Пусть богатые помогут беднякам и на свои средства привлекут опытных воинов. Священникам и клирикам любого звания не следует идти в поход без дозволения своих епископов, ибо, если отправятся без такого разрешения, поход будет для них бесполезен. Да и мирянам не полезно отправляться в паломничество без благословения священника.

И тот, кто возымеет в душе намерение вступить на путь святого паломничества, и даст в том обет Богу, и принесет Ему себя в живую, святую и весьма угодную жертву, пусть носит изображение креста Господня на челе или на груди. Тот же, кто, выполнив свой обет, пожелает вернуться, пусть поместит крест на спине между лопаток. Так будет выполнен завет Господа: „И кто не берет креста своего и следует за Мною, тот не достоин Меня“» (Мф., 10: 38).

«Слышали мы, любезнейшие наши братья, да и вы слышали, что мы никоим образом не можем, не рыдая до глубины души, размышлять о том, какие несчастья преследуют и какие страшные притеснения и насилия в Иерусалиме, Антиохии и прочих городах Востока испытывают наши братья-христиане. Они – ваши товарищи, ваши единокровные и единоутробные братья. Ведь вы с ними – сыны Одного и Того же Христа и одной и той же Церкви, а их в их же собственных наследственных домах передают в неволю чужеземным господам, а зачастую и изгоняют из домов, и они бродят нищими среди нас. И что еще тяжелее – это то, что их подвергают бичеванию и выставляют на продажу, как рабов, в собственной стране. Льется христианская кровь, что была искуплена Кровью Христовой, и плоть христианская, единокровная Телу Христову, уничтожается и отдается в рабство. Повсюду в городах этих скорбь, повсюду несчастья, повсюду стенания; говорю об этом с вздохом. Церкви, в которых совершались некогда священные таинства, переделываются в стойла для животных! Негодные люди захватили священные города. Презренные и нечистые турки властвуют над нашими собратьями. Блаженный Петр был первым епископом Антиохии; и вот ныне в его церкви язычники проводят свои суеверные обряды и постыдно изгнали из дома Божьего христианскую религию, которую им следовало бы чтить превыше всего! Имущество для пропитания святых было передано наемникам, и наследие людей благородных, предназначенное для поддержки бедняков, отдано язычникам, а доходы с земель жестокие господа обратили в собственное пользование. Священство Божье было низким образом попрано. Святилище Божие – о, ужасное беззаконие! – повсюду осквернено. Если еще там и остались христиане, то подвергаются неслыханным мучениям.

Святой Иерусалим, братья, в моей прежней речи мы чуть не обошли вниманием, потому что боялись и стыдились говорить об этом. Поскольку тот самый город, в котором, как вам известно, сам Христос пострадал за нас во искупление наших грехов, был осквернен язычниками, и, к стыду нашему, в нем перестали служить Богу. Тем самым мы покрыли себя великим позором! Кому служит ныне церковь блаженной Марии в долине Иосафата, в которой она была погребена телесно? А почему мы оставляем в небрежении Храм Соломона, вернее, Храм Бога, в котором языческие народы воздвигли своих идолов и почитают их вопреки законам божеским и человеческим? Небрежем мы памятью и о Гробе Господнем, ведь один из вас своими глазами видел, в какой мерзости он пребывает. Турки насильственным образом вытащили оттуда все те подношения, которые вы сами приносили туда в качестве милостыни и которые вызвали многочисленные их насмешки над вашей религией. Однако же в этом месте, месте не известном, говорю я, упокоился и был погребен Бог, претерпевший за нас смерть. Сколь драгоценно место Гроба Господня, место желанное и несравненное! И при этом Бог до нынешнего дня не упускает каждый год совершать чудо! В дни воспоминания Его страданий, когда в храме угащаются все светильники, Божественное сияние вновь зажигает погасшие лампы. Чье каменное сердце, братья, не смягчится при виде столь великого чуда? Поверьте мне, уподобился зверю и оскотинился тот человек, чье сердце не пробудит к вере Божественная сила, присутствующая столь явственно! И тем не менее, когда вместе с христианами это чудо видят и язычники, они не исправляются! Конечно, они устрашаются, но не обращаются к христианской вере; чудо втуне для них, ибо они слепы. Вы, здесь присутствующие среди нас из числа вернувшихся оттуда, вы сами хорошо знаете, сколькими мучениями они утесняли вас, так что вы принесли в жертву Богу как ваши имущества, так и вашу кровь.

Мы это сказали, наши возлюбленные братья, для того, чтобы иметь вас в качестве свидетелей нашей речи. Неисчислимые страдания наших братьев и опустошения церковей Божиих столь велики, что поведать о них по отдельности нам совершенно невозможно. Нас преследуют слезы и стенания, вздохи и скорбные рыдания. Восплачем же, братья, и, рыдая, вздохнем с Псалмопевцем до глубины души! Мы печальны, мы несчастны, ведь в наши дни исполнилось пророчество: «Боже! язычники пришли в наследие Твое; осквернили святой храм Твой, Иеру-

салим превратили в развалины; трупы рабов Твоих отдали на снадение птицам небесным, тела святых Твоих зверям земным. Пролили кровь их, как воду, вокруг Иерусалима, и некому было похоронить их» (Пс., 78: 1–3). Горе нам, братья! «Отдал нас на поношение соседям нашим, на посмеяние и поругание живущим вокруг нас» (Пс., 43: 14), так давайте хотя бы слезами соболезновать и сострадать нашим братьям! Мы, которые оказались в презрении у всех народов и сделались худшими, чем все прочие, давайте возвысим голос о чудовищном опустошении Святой земли! Какая еще земля заслуживает, чтобы ее называли святой, кроме той, где ступала нога Спасителя, которую прославили и освятили Его тело и тень, или же достославное присутствие святой Богородицы, или всеобъемлющий собор апостолов, или пролитая кровь мучеников, которой напиталась эта земля! Сколь блаженны, о, первомученик Стефан, камни, увенчавшие тебя!⁷ Сколь счастливы, о, Иоанн Креститель, послужившие тебе при крещении Спасителя воды Иордана! Сыны Израиля, выведенные из Египта, были вашим прообразом, когда они, перейдя Красное море, взыскали эту землю своим оружием под предводительством Иисуса Навина (Иис. Нав., 1—24), изгнали оттуда иевусеев и прочих (Быт., 15: 21), и населили Иерусалим земной в подобие Иерусалима небесного.

Что говорим мы, братья? Слушайте и постигайте! Вы опоясаны поясом рыцарства и поэтому кичитесь с великой надменностью, терзаете своих братьев и устраиваете раздоры между собой. То рыцарство, которое отделяется от овчарни Искупителя, – не рыцарство Христово. Святая Церковь предназначила рыцарство для поддержки себе, а вы коварно наносите ей раны. Отдадим должное истине, глашатаями которой мы должны быть: воистину вы не придерживаетесь того пути, по которому вам подобает идти к спасению и вечной жизни. Вы – угнетатели сирот, вы – грабители вдов, вы – человекоубийцы, вы – святотатцы, вы – расхитители, чуждые закона. Вы за пролитие христианской крови ожидаете наемнической платы, и как стервятники, которые чуют трупный запах, так и вы предвкушаете войны в чужеземных странах и устремляетесь туда. Воистину, это наихудший путь, совершенно отдаляющий вас от Бога! Далее, если вы сверитесь с вашим духовным обликом, то вы должны либо как можно быстрее снять с себя подобный пояс рыцарства, либо как рыцари Христовы как можно скорее отважно выступить на защиту Восточной Церкви. Поскольку именно от нее исходит радость всего вашего спасения, ибо она вливает в ваши уста молоко божественной мудрости, она показывает вам святое учение Евангелий. Мы призываем вас, братья, удержите свою руку и не наносите смертоносных ударов вашим братьям, но ради своих единоверцев восстаньте против язычников. Под предводительством Иисуса Христа, нашего Главы, сражайтесь за Иерусалим мечом христианским, мечом непобедимейшим, мечом, превосходящим древние мечи Иаковы. Сражайтесь и изгоните из Иерусалима турок, превзошедших в нечестии иевусеев. Знайте – прекрасно пасть за Христа в том городе, в котором Он умер за нас. Впрочем, если случится умереть вам в пути, все равно будет для вас это ценно, и Христос примет вас в свое воинство. Бог платит одним и тем же денарием, будь то в час первый или одиннадцатый. Ужасно это, братья, ужасно, что вы простираете свои алчные руки на христиан; однако обращать меч против сарацин – наименьшее зло, а положить души свои за братьев ваших – это уже исключительное благо, потому что это дело христианской любви. И потому не должны вы волноваться о расходах завтрашнего дня: ведь вы знаете, что боящиеся Бога ни в чем не терпят нужды, как и те, что почитают его в истине. Богатства ваших врагов станут вашими, вы возьмете себе их сокровища и вернетесь с победой к себе домой, или же, обагрив себя собственной кровью, вы обретете венец вечной славы. Должны вы сражаться за такого Императора, у которого достаточно вла-

⁷ Стефан, обвиненный в богохульстве, предстал перед синедрионом и, в частности, заявил: «Вы всегда противитесь Духу Святому, как отцы ваши, так и вы: кого из пророков не гнали отцы ваши? Они убили предвозвестивших пришествие Праведника, которого предателями и убийцами сделались ныне вы, вы, которые приняли закон при служении Ангелов и не сохранили» (Деян., 7: 51–53, вся речь Стефана 7: 2—53, 56). После этого Стефана вывели за город, где иудеи побили его камнями. Последними словами Стефана были: «Господи Иисусе! Прими дух мой. Господи! Не вмени им греха сего» (7: 59, 60).

сти и богатства, чтобы вознаградить вас. Коротка жизнь, и невелик труд, за который, однако, вы получите в воздаяние венец неувядаемой славы. И теперь говорим мы с пророческой властью: «Препояшь себя по бедру мечем Твоим, Сильный...» (Пс., 44: 4). Препояштесь мечом, говорю я вам, и станьте сынами отваги, ибо лучше пасть вам на поле битвы, чем созерцать скорби своего народа и своих святых мест. Пусть ни богатства ваши, ни красота жен ваших не помешают вам отправиться в поход, и пусть будущие трудности не заставят вас остаться».

И, обращаясь к епископам, он добавил: «Вы, братья, вы, сослужащие мне епископы, и священники, и сонаследники Христовы, возвестите то же самое во вверенных вам церквях и проповедуйте во всеуслышание о походе в Иерусалим. Покаявшись в своих грехах и обретшие мир во Христе, обеспечьте себе их скорое прощение. О тех же, кто отправится в поход, надлежит нам быть молитвенниками за них, а вы будете для нас воителями за народ Божий. Нашим долгом будет молиться о вас, вам же надлежит сразиться с амаликитянами (Быт., 14: 7). Мы неутомимо простираем руки, как Моисей, с молитвой обращаясь к Небу, а вы, неустрашимые воины, обнажите и направьте против Амалика свой меч».

Под влиянием этих слов апостолического господина папы одни зарыдали, другие вострепетали, а иные принялись рассуждать об этом деле. Среди прочих участников собора, как мы заметили, был епископ Адемар де Пюи, благородный и знаменитый муж, который с радостным лицом приблизился к папе и, преклонив колено, испросил и получил дозволение и благословение идти в поход. Сверх того, папа повелел, что отныне все должны подчиняться епископу и что он должен стать во главе всей армии, как наместник папы, поскольку все знали его как прелата необычайно деятельного и предприимчивого...

Гвиберт Ножанский

Если среди церквей, разбросанных по всему миру, есть такие, что заслуживают, особенно из-за своих деятелей и местоположения, особого почитания (о деятелях я говорю потому, что большими привилегиями обладают апостольские кафедры; что касается второго, то точно такие же почести, что воздаются людям, могут оказываться и царским столицам, таким как Константинополь), то в наибольшей степени обязаны мы именно той церкви, через которую излилась на нас благодать искупления и которая является источником всего христианства. Если истинно сказанное Богом, что «...спасение от Иудеев» (Ин., 4: 22), то истиной является и то, что Бог оставил нам семя... чтобы не стали мы подобны жителям Содомы и Гоморры. И семя это – Христос, в ком спасение и благословение всех народов. И тогда сама земля и город, где Он жил и пострадал за нас, по свидетельству Писания, – святые. Если, как говорят священные писания пророков, эта земля была наследием и святым храмом Бога еще до того, как Господь проходил здесь, то до какой же святости она возвысилась, когда сам Бог в своем величии оделся здесь плотью, был питаем, возрастал и телесно обошел все местности в округе; и чтобы кратко выразить все, о чем можно было бы долго рассказывать, можно сказать так: здесь была пролита кровь Сына Божьего, более священная, чем небо и земля, и тело Его было положено в гробнице. Какого поклонения, как мы полагаем, она заслуживает? Если уже в то время, когда Господь только что был распят и город был еще во власти иудеев, он был назван евангелистом городом святым, когда «И гробы отверзлись, и многие тела усопших святых воскресли и, выйдя из гробов по воскресении Его, пошли во святы град и явились многим» (Мф., 27: 52–53), и когда пророк Исая говорил о «славном Его гробе», то воистину то же самое можно сказать о нем и ныне. Город сей не может разрушить никакое зло, и слава Гроба Господня неотделима от него. Мои возлюбленные братья, если вы поклоняетесь источнику этой святости и славы, если вы почитаете эти святости, которые являют следы Его пребывания на земле, если вы желаете следовать и далее по пути, указанному Господом, вы должны напрячь все свои силы, чтобы очистить от языческой скверны Святой Город и Гроб Господень.

Если в древности Маккавеи снискали своим благочестием величайшую похвалу, ибо сражались они за свои обычаи и Храм, то и вам, воинам Христовым, выпала честь защищать свободу вашей страны от врага. Если вы полагаете, что в места, где пребывали некогда святые апостолы и другие святые, стоит стремиться, прилагая к этому все усилия, то почему же вы тогда отказываетесь спасти Крест, место, окропленное Его кровью, и Гробницу? Почему вы не хотите отправиться туда, заплатить своими жизнями за спасение их? Вы вели неправедные войны, вы в безумии обнажали мечи ко всеобщей гибели из-за алчности и гордыни, и потому вы заслуживаете вечной смерти и проклятия. Теперь мы призываем вас на войну, которая увенчает вас славной наградой мученика, что останется славным титулом на века.

Давайте на минуту предположим, что Христос не умер, и не был погребен, и никогда не жил долгое время в Иерусалиме. Конечно, если бы ничего этого не было, то только следующий факт побудил бы вас отправиться на помощь стране и городу – «Ибо от Сиона выйдет закон и слово Господне – из Иерусалима» (Ис., 2: 3). Если бы все то, что присуще христианскому учению, излилось бы из источника Иерусалима, и его воды распространились бы по всему миру, и омыли бы сердца католического большинства, так чтобы они могли понять, чем обязаны такому полноводному источнику. «К тому месту, откуда реки текут, они возвращаются, чтобы опять течь» по слову Соломона (Экк., 1: 7). Было бы почетным для вас вновь очистить это место, как верно то, что вы очистились крещением, и стать свидетелем вашей веры. А вы должны по зрелом размышлении понять по плодам ваших трудов, действует ли через вас Господь; но может произойти и такое, что Мать всех церквей процветет вновь, и будут ей поклоняться христиане, но может и не возжелать Он, чтобы некоторые страны Востока вновь обрели веру ввиду приближения времен Антихриста. Ибо понятно, что Антихрист сразится не с иудеями или язычниками, но, о чем говорит его имя, восстанет только на христиан. И если он обнаружит, что христиан нет (как и в нынешние времена их проживает там слишком мало), никто не будет противостоять ему, и некого ему будет побеждать. По словам пророков Даниила и Иеремии, разобьет Антихрист шатры свои на Масличной горе, и, по словам апостола, непременно будет так, что в Иерусалиме «в храме Божием сядет он, как Бог, выдавая себя за Бога» (2 Фес., 2: 4). И, по слову того же пророка, убьет он непременно сначала трех царей Египта, Африки и Эфиопии за их христианскую веру. Этого, однако, не случится до тех пор, пока христианство не установится там, где теперь язычество. Если же ревностны вы в святых битвах и поскольку всеяно в вас семя знания Бога из Иерусалима, то вы можете вновь получить благодать, так что возвысится через вас имя католическое и восстанете вы против коварства Антихриста и антихристиан. Тогда кто смог бы усомниться в том, что Бог, превзошедший надежды всех, при виде преизбыточествующей в вас отваги, использует вас как искру, чтобы поглотить густую чащу язычества, включив в пределы своего закона Египет, Африку и Эфиопию, которые отпали от причастия нашей веры? И человек греха, сын проклятия, столкнется с теми, кто противостоял ему. Знайте, обращается к нам евангелист: «Иерусалим будет попираем язычниками, доколе не окончатся времена язычников» (Лк., 21:

24). Выражение «времена язычников» можно понимать двояко. Либо то, что они правили христианами своевольно, удовлетворяя все свои похоти, и потворствуя низменным желаниям, и во всем этом не встречая преград. Так, о них, обладавших всем, чего только можно было пожелать, говорили, что пришло их время, чему есть такие слова: «Мое время еще не настало, а для вас всегда время» (Ин, 7: 6). Либо «времена язычников» – это указание на полноту времен для тех из них, которые тайно придут, прежде чем Израиль будет спасен.

Эти времена, мои возлюбленные братья, исполнятся, только если сокрушите вы силы язычников с помощью Божией. Ныне, когда близок уже конец мира, даже если язычников не удастся обратить к Богу (поскольку, по слову апостола, должно случиться отпадение от веры), необходимо, прежде всего, согласно пророчеству, вновь обратиться к вере христиан, отпавших от нее в тех землях; и сделают это вы, или кто-либо еще, кого Господу будет угодно послать для

исполнения этого прежде, чем придет Антихрист. Так что предводителю зла, кому предстоит воссесть на трон царства, придется начать войну с остатком верных.

Подумайте над тем, что Всемогущий Господь мог избрать именно вас для выполнения этой задачи, что с помощью вас Он может восстановить Иерусалим из такой бездны уничижения. Задумайтесь, прошу вас, над тем, какой радостью и восторгом наполнятся наши сердца, когда мы увидим восстановление Святого Города, пусть и с небольшим, но вашим участием, и пророчества. Вспомните, что сам Господь говорит Церкви: «От востока приведу племя твое и от запада соберу тебя» (Ис., 43: 5). Бог уже вывел наше семя из востока, ибо дважды уже в этой области востока произрастали ростки Церкви для нас. Но и с запада Он также соберет ее, при условии, что Он избавит Иерусалим от всех зол посредством тех, кто уже начал свидетельствовать о последних днях веры, то есть людей запада. Мы полагаем, что с Божьей помощью это можете сделать вы.

Если ни слова Писания не взволнуют вас, ни наши предостережения не возымеют на вас действия, то, по крайней мере, пусть подвигнут вас великие страдания тех людей, что пожелали отправиться в святые места. Подумайте о тех, кто отправился в паломничество за море! Даже если они были достаточно состоятельны, подумайте, через какие насилия они прошли, какие налоги и подати им приходилось платить почти на каждой миле, приобретать разрешение у каждого городского ворот, при входе в церкви и часовни, при каждом переезде с места на место. Если их и можно в чем-то обвинить, то надо сказать, что они были вынуждены покупать разрешение; но если они отказывались платить деньги, то язычники, в соответствии с их обычаями, принуждали это сделать, жестоко избивая паломников. Что мы можем сказать о тех, кто предпринял путешествие, не имея ни гроша за душой, которым нечего было терять, кроме своих жизней? От них не только требовали денег, что само по себе не страшно, но им также разрезали кожу на пятках и отворачивали ее на сторону, проверяя, не зашито ли у них там что-нибудь. Невиданная жестокость проявлялась и в том, что паломникам давали пить скаммоний, пока их не начинало рвать, и у них едва не расседались внутренности, потому что язычники полагали, что золотые и серебряные монеты паломниками были проглочены. Или, что ужасно сказать, вспарывали им с этой же целью животы. Помните, я молюсь о тех тысячах паломников, которые погибли ужасной смертью, и стремлюсь к святым местам, из которых произошла ваша вера. Прежде чем вы примете участие в Его битве, верьте, без малейшего сомнения, что Христос возглавит вас и будет вам предтечей».

Преосвященный понтифик закончил свою речь, и благодатью, полученной от благословенного Петра, отпустил грехи всем тем, кто принес клятву отправиться в поход, и преподал свое апостольское благословение. Он сделал изображение креста, орудие страстей Христовых, отличительным знаком тех, которые готовились стать Божьими воинами, и повелел нашивать его на рубахи и куртки. И он предупредил, что если кто-то, нашив на одежду крест и приняв торжественную клятву, неожиданно откажется по какой-либо прихоти или из-за привязанности к своим родным отправиться в поход, то такой человек будет навсегда считаться изгнанником до тех пор, пока не покается и вновь принесет свои клятвы. Также папа пригрозил страшной анафемой всем тем, кто будет преследовать жен и детей, покушаться на богатства тех, которые отправились в поход ради самого Господа...

Немедленный ответ

Фульхерий Шартрский

Речь папы воодушевила всех присутствовавших, и многие, полагая, что ничего нет более похвального, чем подобное предприятие, сразу пожелали пойти в поход. И они начали настойчиво уговаривать последовать за ними тех, кто отсутствовал на соборе. Среди первых был епископ из Пюи по имени Адемар, который впоследствии стал доверенным лицом папы, и

возглавил Божье воинство, и речами своими вдохновлял всех осуществить важное предприятие. Итак, когда все те вопросы, что были упомянуты на соборе, получили разрешение при единодушном одобрении, и после получения благословения папы все отправились по своим домам, чтобы сообщить всем тем, кто не присутствовал на соборе, о принятых решениях. Когда об этом было возглашено во всех провинциях, все пришли к согласию, что Божье перемирие должно соблюдаться всеми. Наконец, многие люди из всех сословий принесли клятву после исповеди в том, что они готовы отправиться туда, куда им будет приказано пойти, с искренними намерениями.

О, какое великолепное и приятное зрелище открылось для всех – кресты из шелка и плетеной золотой нити и других материй, которые пилигримы по приказанию папы Урбана II нашили на свои плащи, сутаны и туники, раз они дали клятву идти в поход. Это было само собой разумеющимся, что воины Бога, готовые сражаться ради Его славы, ознакомились себя и придали себе силы этим знаменем победы; и они освятили себя им в знак исповедуемой ими веры. Они же впоследствии и обрели Крест, изображение которого носили.

Известно, что добрые намерения способствуют совершению добрых дел, и через это доброе дело душа обретает спасение. Ибо, если иметь доброе намерение – это хорошо, еще лучше совершать задуманное доброе дело. Итак, самое лучшее, что может сделать каждый для спасения души, – это совершить достойное деяние. Пусть каждый намечает необходимые добрые дела, которые он может совершить с помощью праведных поступков, чтобы в итоге получить никогда не иссякающее вознаграждение. Так, Урбан II, человек осмотрительный и благочестивый, предпринял труды, от которых получил пользу весь мир. Ибо он восстановил мир и вновь утвердил права Церкви в первоизданной чистоте. И он предпринял решительные усилия изгнать язычников из христианских земель. И поскольку он при каждом случае стремился прославить все, в чем был Бог, почти все добровольно подчинились его отеческой власти.

Эккехард из Ауры

Западных франков было легко уговорить оставить свои земли, поскольку Галлия страдала в течение нескольких лет то от гражданской войны, то от голода, и много людей умирало, и, не в последнюю очередь, от болезни, проявившейся в окрестностях церкви Святой Гертруды Нивельской. Люди пребывали в страхе и опасались за свою жизнь. Протекало это заболевание таким образом. Внезапно ту или иную часть тела как будто охватывал какой-то невидимый огонь, человек испытывал в течение длительного времени невыразимые страдания, и не было для излечения никакого средства, и так продолжалось до тех пор, пока он не умирал, или если пораженную болезнью конечность отрезали, тогда мучения прекращались. До сего дня встречаются живые свидетели этой болезни, искалеченные, потерявшие или руку, или ногу.

Были и такие выходцы уже из иных народов, кто признавался, что отправился в Землю обетованную не только по призыву папы, но и наслушавшись проповедей неких пророков, которые объявились в последнее время среди них, или увидев знамения в небесах. Другие объясняли, что они вынуждены были принести клятву вследствие тяжелых обстоятельств, в которые они попали. Действительно, множество людей вышли в поход вместе с женами и детьми и всем своим хозяйством.

Но восточные франки, саксонцы, тюрингцы, баварцы и алеманны знали о походе лишь понаслышке, что отчасти объясняется схизмой между императором и папством, начавшейся со времени понтификата папы Александра II [занимал папский трон в 1061–1073 гг., ему наследовал Григорий VII] и продолжающейся вплоть до наших дней. Увы, это только усилило нашу ненависть и враждебность к подданным императора, как и их вражду против нас! И случилось так, что почти весь тевтонский [германский] народ⁸, сначала просто не понявший причину,

⁸ То есть народ королевства Германии, первоначально – Восточнофранкского королевства, возникшего после раздела в

по коей следовало отправиться в поход, теперь начал открыто насмехаться над множеством рыцарей, проходивших через их страну, над отрядами пеших воинов и толпами крестьян, с их женами и детьми. То были люди, как они считали, охваченные необъяснимым безумием, которые оставили привычный образ жизни ради неизвестного будущего, родную землю – ради какой-то неизвестной Земли обетованной, которую еще предстояло обрести. Они отказались от своей собственности, но стремились захватить чужую. Но все же благодаря Божьему состраданию и у тевтонов появилось понимание того чувства, что двигало толпами, проходившими через их земли.

Наставления папы Урбана II крестоносцам, участникам похода

Урбан, епископ, слуга слуг Божиих, всем верным, князьям и всем подданным, ожидающим во Фландрии; мои приветствия и апостолическое благословение.

Братья, нам давно известно по многочисленным рассказам, что ярость варваров обрушилась на храмы Божии в землях Востока и опустошила их. Более того, как ни богохульно это звучит, язычники захватили в рабство и церкви, и сам Святой город Христа, прославленный Его страстями и Воскресением. Глубоко скорбя об этой беде, мы посетили земли Галлии и приложили все свои усилия, чтобы побудить князей светских и их подданных помочь освободить церкви Востока. Мы собрали их на собор в Оверни, чтобы торжественно благословить их на это предприятие, да отпустит им Господь за это все их грехи. И решили мы поставить нашего возлюбленного сына Адемара, епископа из Пюи, во главе похода как нашего представителя. И те, кто пожелают отправиться в поход, должны будут слушаться его распоряжений, как будто это наши собственные распоряжения, и исполнять их беспрекословно. И если есть среди вас люди, которые дали клятву Богу, дайте им знать, что Адемар выйдет в поход с Божьей помощью в день Успения Божьей Матери (15 августа), и они могут к нему присоединиться. (Написано в конце декабря 1095 года.)

Глава 2

Поход на Константинополь

Несмотря на усилия папы Урбана II твердо следовать принятому плану похода и обеспечить необходимый уровень организации, сильное воодушевление, охватившее участников предприятия, было слишком велико, чтобы его можно было сдержать. Не дождавшись назначенного дня выступления, несколько отрядов крестьян, предвкушая первыми получить обещанную награду, вышли в крестовый поход из Прирейнской области. Впоследствии он получил название Крестьянского. Ни состав, ни образ поведения его участников, вероятно, не вдохновили ни одного писателя рассказать о нем особо. Поэтому информацию об этом походе можно почерпнуть только из более поздних и не совсем достоверных хроник. Были отобраны как наиболее полные и правдивые свидетельства Анонима, который беседовал с некоторыми еще живыми участниками похода в Константинополе, а также записки Экехарда и Альберта, жителей тех местностей, через которые проходили отряды крестьян-крестоносцев. По всему пути следования крестьянских отрядов еврейское население подвергалось постоянным гонениям и погромам. Однако это не было чем-то исключительным. Такое отношение к евреям имело повсеместное распространение. Воины-крестьяне стали передовым отрядом, предварившим основные крестовые походы, и их поведение оставило глубокое впечатление на жителей тех стран, через которые они прошли. Сложности, которые встретили на марше отряды основной армии в тех же самых областях, где пролегал путь Крестьянского крестового похода, были, вероятно, не в меньшей степени результатом тех эксцессов, что допустили крестьяне. Основные армии крестоносцев продвигались к Константинополю по четырем дорогам. Поход Готфрида и Балдуина описал Альберт, Боэмунда – Аноним, который сопровождал его; Раймунда – его капеллан Раймунд Ажилский; Роберта Нормандского и Стефана Блуаского – Фульхерий Шартрский, который был в их войске. Вследствие того, что полководцы армий выбрали различные маршруты, этот этап истории Первого крестового похода в целом менее документирован, поскольку каждый хронист писал о событиях только в своем войске. Сведения об иных отрядах часто неточны и ошибочны, а географические названия неверны и неясны. Последнее можно легко объяснить тем фактом, что крестоносцы продвигались достаточно быстро, местность была для них неизвестной, и условия ведения боевых действий не требовали точной фиксации конкретных названий населенных пунктов и географических объектов. К счастью, сохранились древнеримские дороги, которые были проложены через Балканы и по долине Дуная. Названия, упоминаемые хронистами похода, позволяют утверждать, что крестоносцы передвигались в основном именно по ним.

Отправление в поход

Фульхерий Шартрский

Теперь настало время обратиться к судьбе тех, кто отправился в Иерусалим, и объяснить всем, которые ничего не знают о том, что произошло с теми пилигримами в дороге, как постепенно, по милости Божией, их предприятие и понесенные ими труды пришли к славному завершению. Я, Фульхерий Шартрский, отправился в поход вместе с другими пилигримами и для пользы и в научение потомкам внимательно и прилежно сохранил в памяти свидетельства о нем.

В 1096 году в марте на следующий год после того, как в ноябре в Оверни, о чем мы уже говорили, прошел собор, созванный папой Урбаном II, отправились в поход первые его участники. А затем каждый месяц, начиная с марта и до октября, уходили вслед за ними другие,

как только удавалось собрать достаточное количество денежных средств, чтобы покрыть необходимые расходы. Тот год был мирным, по Божьему произволению собран обильный урожай зерна и винограда, и если бы не это, то многие, которые пошли за Ним, взяв свой крест, умерли бы в дороге из-за недостатка продовольствия...

О чем мне еще нужно сказать? Все области земли и острова в море сотрясались от тяжелой поступи множества людей, так что, казалось, сбывается пророчество: «Все народы придут и поклонятся пред Тобою» (Откр., 15: 4). И те, что пришли позже, справедливо прорекли: «Мы будем поклоняться в месте, где Он проходил стопами своими». Об этом походе нам много известно из писаний Пророков, так что было бы излишним повторяться. О, что за горе, что за воздыхания, что за рыдания! Что за сетования друзей, когда муж оставляет жену, столь дорогую ему, и детей, и все свое достояние, своего отца, свою мать, своих братьев и своих родных! Но, несмотря на слезы, что проливали остававшиеся по своим отъезжающим друзьям, крестоносцы не становились от этого слабее; и ради любви Божией они оставляли все, что имели, твердо убежденные в том, что они получают во сто крат больше того, что Господь обещал любящим Его. Обращаясь к жене, муж уверял ее, что если будет на то воля Божья и он останется жив, то непременно вернется к ней. Он поручал ее судьбу Богу, нежно целовал жену и, рыдая, давал обещание вернуться. Но она, охваченная страхом, что не увидит его больше, теряла сознание и падала без чувств к его ногам. Жена оплакивала живого мужа, как будто он уже был мертв. Но он, словно не имея сострадания, хотя на самом деле это было не так, словно его не трогали слезы его жены и печаль друзей, хотя он был глубоко тронут в сердце своем, шел в поход, твердо следуя принятому решению. Печаль была уделом тех, кто оставался, те, которые уходили, были довольны. Что можно еще добавить к этому? Так восхотел Бог.

Эккехард из Ауры

Те знамения, что появились на солнце, и многие другие, увиденные на воздухе и на земле, побудили многих медливших с решением наконец-то сделать окончательный выбор. О некоторых этих знамениях я хотел бы здесь поведать, но перечислить их все заняло бы слишком много времени. Так, 7 октября мы увидели комету в южной части неба, имевшую форму меча; а два года спустя, в 1099 году 6-го числа перед мартовскими календами, мы увидели звезду на востоке, которая словно скачками перемещалась на большие расстояния. Внезапно появлялись, как на востоке, так и на западе, багряные кровавые облака и, поднимаясь к зениту, сталкивались друг с другом, и снова, к полуночи, в огненном великолепии сходились на севере; и часто, чему есть подтверждения многих свидетелей, огненные факелы плыли в воздухе. За несколько лет до этого некий добродетельной жизни священник Зиггер, в один из дней, когда пробило три часа, увидел в воздухе двух рыцарей, устремившихся навстречу друг другу. Продолжительное время они ожесточенно сражались, а затем один из рыцарей, у коего был в руках большой крест, которым он, казалось, побивал своего соперника, вышел из боя победителем. В то же самое время один священник, который ныне принадлежит к монашескому сословию, как и мы, шел как-то в полдень лесом с двумя спутниками. Вдруг он увидел меч поразительной длины, который появился неизвестно откуда и который воздушный вихрь поднял высоко над ними. На головокружительной высоте меч скрылся из глаз, и был слышен только звон, производимый металлическим оружием. Некие люди, которым довелось однажды пасти коней, рассказывали, что они увидели подобие города в небе и наблюдали, как к нему направлялись многочисленные полки, пешие и конные, со всех сторон. Некоторые Божественной властью имели изображение креста на челе и одеждах, и этим знамением, как они полагали, им было указано, что они принадлежат к тому же воинству Божьему. Часто многие по внезапному велению сердца или под влиянием ночных видений решались продать свои дома и все, что имели, и нашить на свои одежды знак креста. Всем этим людям, заполнившим во множестве церкви, священники, согласно новому обряду, вручали меч, паломнический посох и суму и давали свое

благословение. Надо ли мне упомянуть о том факте, что в те дни некая женщина была беременной в течение двух лет и, наконец, родила мальчика, который начал говорить, как только появился на свет? Был рожден также мальчик с четырьмя конечностями, а еще один – с двумя головами. Ягнята тоже рождались с двумя головами. У новорожденных жеребят было больше зубов, чем обычно, и природу их было невозможно определить, пока им не исполнялось три года.

В то время как этими и подобными знамениями все творение на земле призывалось стать воинами воинства Господня, враг рода человеческого, сам дьявол, всегда бдящий, в то время как многие спят, не замедлил посеять плевелы, воздвигнуть лжепророков и под религиозным обличем внедрить в войско Господа лжебратий и бесстыдных жен. Итак, из-за лицемерия и лжи одних и развращенности других, воинство Христово было повреждено грехом до такой степени, как говорит нам пророчество о добром пастыре, что даже истинные были совращены с пути истинного. В это время и появилась легенда о Карле Великом, что он был воскрешен из мертвых, чтобы принять участие в походе. Была выдумана и глупая история о гусыне, ставшей путеводительницей похода, и много небылиц подобного рода. Каждый познается по плодам своих трудов, и даже волков распознают, несмотря на то что они скрываются под овечьей шкурой. Потому тех самых обманщиков, что все еще живы, следует строго спросить. Из какого порта они отплыли, и каким образом они переплыли море в отсутствие кораблей, и в каких сражениях они одолели столь большое число язычников, имея столь малые силы, и какие крепости врага они взяли и, наконец, у какой стены Иерусалима они разбили свой лагерь, и задать другие тому подобные вопросы. И тем людям, кто не сможет объяснить, каким образом они собрали милостыню, которая на самом деле обязана своим происхождением лицемерному обману верующих, и не сможет рассказать о судьбе целых отрядов воинов, которые они заманили в западню и убили с целью ограбления, и оправдаться в совершенной ими апостасии, необходимо срочно покаяться.

Гвиберт Ножанский

Ныне, когда князья, нуждающиеся в больших денежных суммах и поддержке многочисленных сторонников, ведут приготовления к походу медленно и тщательно, простые люди, неимущие, но многочисленные числом, последовали за Петром Отшельником, который заявил о себе как о вожде, в то время как мы все еще обсуждаем наши планы.

Родом он был из города Амьена, если я не ошибаюсь, и мы узнали, что он подвизался подобно отшельнику в монашеском одеянии где-то в Северной Галлии, где точно, неизвестно. Он ходил по городам и селениям и проповедовал. Его окружали несметные толпы народа, и он получал многие подношения и снискал столь большую славу благодаря своей святости, что я не знаю никого, кому оказывали бы такие же почести.

Он был великодушен к бедным, отдавая им все те богатые дары, которые ему приносили. Он благодетельствовал проституткам, подыскивая им мужей и наделяя приданым. И повсюду, пользуясь удивительной властью, он устанавливал мир и согласие, искореняя раздоры. Что бы он ни делал и ни говорил, к его словам относились так, как если бы через него говорил Бог. И даже шерсть с его мула почитали как реликвию. Все происходившее с ним мы не объясняем народной тягой к правде, а скорее новизной явления.

Он носил рубашку из грубой шерсти с капюшоном, поверх которой был плащ без рукавов, доходивший до лодыжек, и ходил он босым. Питался он вином и рыбой; и очень редко ел хлеб.

Крестьянский крестовый поход

Петр Отшельник и Вальтер Голяк Март – август, 1096

Альберт Ахенский

Был священник, по имени Петр, бывший прежде отшельником. Он родился в Амьене, расположенном в Западно-франкском королевстве [Франции], и был он назначен проповедником в Берри⁹ в этом же королевстве. В каждой своей проповеди и каждом поучении со всей убедительностью, на которую он только был способен, он призывал отправиться как можно скорее в крестовый поход. В ответ на его постоянные призывы вышли в поход епископы, аббаты, клирики и монахи; вслед за ними – самые знатные миряне и князья различных королевств; затем – простонароде, люди праведной жизни и грешники, прелюбодеи, убийцы, воры, клятвопреступники и грабители; поистине всякое христианское сословие, а также женщины и кающиеся. Все они с радостью двинулись в путь...

В год от воплощения Господа 1096-й, четвертого индикта, на 13-й год правления Генриха IV, третьего августейшего императора Священной Римской империи, и в 43-й год империи, в понтификат папы Урбана II, в 8-й день марта отправился под влиянием проповедей Петра Отшельника в поход Вальтер, по прозвищу Голяк, известный воин. Были с ним большой отряд франков, пеших воинов, и лишь восемь рыцарей. В начале пути на Иерусалим он вступил на землю королевства Венгрия. Когда о его намерениях и причине похода узнал Кальман, наихристианнейший король Венгрии [родился в 1070 г., король в 1095–1116 гг.], он решил принять Вальтера и обеспечить ему мирный переход через земли королевства, разрешив также торговать. И так, сохраняя мирные отношения со всеми, двинулись в Белград, болгарский город¹⁰, дойдя до места Малевилла, и далее до границ Венгерского королевства. Затем переправились через реку Морава.

Но шестнадцать человек из отряда Вальтера остались в Малевилле, где они намеревались приобрести оружие. Об этом Вальтер не знал, так как он переправился через реку задолго до этого. Тогда некоторые из венгров, люди извращенного ума, видя отсутствие Вальтера и его армии, напали на этих шестнадцать человек и отобрали у них оружие, одежду, золото и серебро и отпустили их нагими и с пустыми руками. Тогда эти ограбленные пилигримы, лишившись оружия и других вещей, поспешили в Белград, о котором мы уже упоминали ранее, где Вальтер со своим отрядом разбил палаточный лагерь. Они рассказали о случившемся с ними несчастье, но Вальтер выслушал их равнодушно, поскольку возвращение ради мести заняло бы много времени.

В ту самую ночь, когда пришли ограбленные воины, Вальтер попытался пополнить запасы продовольствия у членов магистрата болгарского города и его правителя, но те посчитали просьбу пилигримов просто предлогом и, приняв их за шпионов, запретили продать им что-либо. Тогда Вальтер и его соратники, страшно разгневавшись, насильно захватили и увели стада скота и отары овец, которые паслись в окрестных полях. В результате серьезный спор возник между болгарами и пилигримами, закончившийся стычкой. Однако поскольку болгарских воинов было сто сорок человек, часть паломников была отрезана от основного отряда и, обратившись в бегство, оказалась у дверей небольшой церкви. К болгарам подошло подкрепление,

⁹ Историческая область в Центральной Франции, ныне департаменты Шер (центр – город Бурж) и Эндр (центр – город Шатору).

¹⁰ После разгрома в 1018 г. Западно-Болгарского царства императором Василием II – в составе Восточноримской (Византийской) империи.

а отряд Вальтера понес потери и был рассеян. Церковь подверглась осаде и была подожжена, вместе с ней сгорели шестьдесят укрывшихся в ней человек. Те воины Вальтера, которым удалось спастись от врага бегством, были сильно изранены. После этой катастрофы и потери многих своих людей отряд Вальтера прятался в болгарских лесах восемь дней, а затем отошел к Нишу, очень богатому городу в центральной части Болгарского царства. Там он встретился с правителем его и рассказал ему о том уроне, что был нанесен его отряду. Справедливость была восстановлена, царь даровал им деньги и оружие, и, более того, было достигнуто полное примирение, и была дана охранная грамота на мирный проход через города Болгарии – Софию, Филиппополь и Адрианополь, а также разрешение на торговлю. Со своими воинами Вальтер дошел до Константинополя, столицы всей Ромейской империи, где он обратился с нижайшей и почтительной просьбой к императору остаться на некоторое время в стране и получить разрешение покупать все необходимое для снабжения отряда. Вальтер намеревался дожидаться в столице Петра Отшельника, чьи проповеди и подвиги его отправиться в поход. И он также просил предоставить ему корабли, чтобы иметь возможность, когда войска объединятся, переправить их через морской пролив Святого Георгия [Босфор], и тогда они смогут более успешно противостоять отрядам турок и язычников. Император Алексей выполнил его просьбы.

Вскоре после этих событий Петр и его огромное войско, неисчислимое, как морской песок, войско, которое он набрал в различных королевствах многих народов – франков, швабов, баварцев и лотарингцев, начали поход на Иерусалим. Проходя через королевство Венгрия, его армия разбила свои палатки у ворот Оденбурга...

Поскольку венгры и болгары были христианами, Петр отказывался верить, что они совершили столь великое преступление, пока его люди не пришли к Малевилле. И тогда они увидели висевшие на крепостных стенах оружие и доспехи шестнадцати воинов Вальтера, остановившихся здесь на краткое время и предательски ограбленных венграми. Когда Петр понял при виде их оружия, что его братья действительно понесли урон, он призвал соратников отомстить за них.

Труба подала сигнал к бою, и с развернутыми знаменами они устремились к стенам и осыпали врага градом стрел. Они натягивали луки непрерывно, и стрелы падали так густо, что венгры, стоявшие на стенах, не в силах противостоять осаждавшим их франкам, покинули стены, надеясь, что за ними им удастся устоять против вражеской силы. Готфрид, по прозвищу Бурель, уроженец города Этампа, который возглавлял отряд из двухсот пеших воинов, обладавший небывалой силой, увидев, что венгры бежали со стен, быстро взобрался по обнаруженной им недалеко лестнице на стену. Рейнальд де Бруайе, славный рыцарь, в шлеме и кольчуге, поднялся вслед за Готфридом. Вскоре все рыцари и пешие воины проникли в город. Венгры, видя, что им угрожает неминуемая гибель, собрали 7 тысяч защитников и вышли из крепости через другие ворота, обращенные на восток. Они поднялись на вершину укрепленного холма, рядом с которым протекал Дунай. Очень многие не смогли быстро уйти через узкий проход и пали перед воротами. Тем, которые надеялись найти убежище на вершине холма, не дали это сделать преследовавшие их пилигримы; другие, сброшенные головой вниз с вершины в воды Дуная, нашли там свою могилу. Однако многие спаслись на лодках. Пало около 4 тысяч венгров и была убита только сотня паломников, не считая раненых. Одержав победу, Петр Отшельник оставался со всеми своими последователями в цитадели в течение пяти дней, поскольку он обнаружил там обильные запасы зерна, овечьей шерсти и вина; и было там много голов скота и бесчисленное количество лошадей...

Когда до Петра дошла весть о страшном гневе короля [Венгрии] и о том, что он приближается с многочисленным войском, он оставил Малевиллу со всеми своими последователями, вознамерившись переправиться через Мораву со всеми своими стадами и табунами лошадей. Но на всем берегу реки удалось найти всего сто пятьдесят лодок. Необходимо было быстро переправить все отряды на другой берег и бежать, иначе король мог легко одолеть их со своим

войском. Поэтому те, кому не хватило лодок, попытались переплыть реку на самодельных плотах из шестов, связанных прутьями. Но плоты сносило волнами в разные стороны, к тому же у воинов не было весел, и многие отстали от основных сил и погибли, будучи расстреляны из луков печенегами, которые населяли Болгарию. Увидев, как гибнут и тонут его люди, Петр приказал баварцам, алеманнам и другим тевтонцам, связанным клятвой послушания, прийти на помощь своим франкским братьям. Они добрались до этого места на семи плотах, затем потопили семь небольших лодок с печенегами и взяли в плен только семь человек. Семь пленных были поставлены перед Петром и были убиты по его приказу.

Когда Петр таким образом отомстил за гибель своих людей, он, переплыв через реку Мораву, вошел под сень больших, широко раскинувшихся лесов Болгарии, где можно было снабдить войско всем необходимым, в том числе продовольствием. Проведя в этих лесах и на пастбищах восемь дней, он и его последователи подошли к Нишу, сильно укрепленному городу. Перейдя через реку, протекающую под его стенами, через каменный мост, они поставили свои палатки на широком зеленом поле на берегах реки...

Петр, исполняя указ императора, отошел со всеми своими людьми от Софии к городу Филиппополь¹¹. Когда он подробно рассказал о своих злоключениях в присутствии всех греческих граждан, то получил, во имя Иисуса и ради страха Божия, очень много даров. Затем по прошествии трех дней он пошел к Адрианополю¹², преисполненный радости и воодушевления, имея в изобилии все необходимое. Там он простоял лагерем под стенами города в течение двух дней и после восхода солнца на третий день двинулся в путь. В своем втором послании император призвал его ускорить марш на Константинополь, поскольку, много наслышанный о его делах, император горел желанием увидеть Петра лично. Когда армия Петра подошла к Константинополю, ему было дано разрешение расположиться лагерем поблизости от города и заниматься торговлей...

Фолкмар и Готтшалк Май – июнь 1096 г

Альберт Ахенский

Вскоре после того, как отправился в поход Петр, некоего священника, по имени Готтшалк, родом тевтона [германца], жителя Рейнской области, под впечатлением проповедей Петра охватило горячее желание предпринять такое же путешествие, что и он, в Иерусалим. Своими проповедями священник затронул души многих людей из различных народов, решивших присоединиться к нему. Он набрал в свое войско в различных областях Лотарингии, Восточной Франции, Баварии и Алемании более 15 тысяч человек из военного сословия, а также простых пеших воинов и, собрав большие суммы денег и обеспечив своих людей всем необходимым для похода, отправился в путь. Как рассказывали, он без происшествий добрался до королевства Венгрия.

Когда подошли они к воротам Визельбурга и его крепости, то были встречены с почетом: так распорядился король Кальман. Им также было дано разрешение запастись необходимыми припасами для продолжения пути; та и другая стороны были настроены миролюбиво, исполняя волю короля, ибо всякое возмущение могло произойти, когда собралось такое большое войско. Но, пробыв там несколько дней, воины принялись беспокойно бродить повсюду, а баварцы и швабы, народ отчаянный, вместе с другими безрассудными людьми начали пить без всякой меры и нарушать порядок. Понемногу они забрали у венгров вино, зерно и прочее имущество. Наконец, они опустошили поля, закалывали овец и скот и убивали тех, кто сопротивлялся или просто хотел прогнать их. Грубые и невежественные, своевольные и высокомерные, они совер-

¹¹ Ныне Пловдив.

¹² Ныне Эдирне.

шили еще много преступлений, пересказать которые не представляется возможным. Жалобы на подобное поведение дошли до ушей короля и вождей похода...

Когда Готтшалк и благоразумные люди в его окружении узнали об этом, они искренне поверили этим словам, и, так как венгры были тоже христианами, был созван совет, на котором было решено сдать все оружие венграм, удовлетворив тем решением короля, и снова вернуться мир и согласие...

Но когда все оружие оказалось под замком, венгры не сдержали своего слова, несмотря на все их обещания проявить милосердие и справедливость и слова самого короля, данные им перед всем народом. Нет, они устроили жестокую и устрашающую бойню, вырезали беззащитных и невооруженных паломников, так что, как уверяют чудом спасшиеся, вся равнина Белграда была усеяна трупами павших и наполнилась их кровью. Лишь немногие избежали мученической смерти.

Эккехард из Ауры

И вот, как мы уже говорили, толпы народа последовали за Фолкмаром через всю Богемию [Чехию]. В городе Нитра, в Паннонии, разразился мятеж, в котором часть людей была убита, а часть – взята в плен. В то же время немногие выжившие свидетельствовали, что знамение креста, появившееся в небе над ними, спасло их от неизбежной смерти.

Тогда Готтшалк, притворно выставивший себя истинным служителем Господа, появился в пределах Венгрии со своими последователями, предварительно опустошив часть Восточного Норика. Затем он укрепил некий город, расположенный на высотах, и оставил там гарнизон, а с оставшимися соратниками принялся опустошать земли Паннонии. Город был без промедления захвачен местными жителями, большое количество воинов было убито и захвачено в плен, остальные были рассеяны, а сам Готтшалк, наемник, а не пастырь своего стада, был изгнан с позором прочь.

Эмих Май – август 1096 г

Эккехард из Ауры

Как раз в это время там появился некий Эмих, граф земель, расположенных по Рейну, имевший очень плохую репутацию из-за тиранического образа правления. Получивший Божественное откровение, как он утверждал, подобно второму Саулу, и придерживавшийся соответствующей религиозной практики, он самовольно встал во главе почти 12-тысячного отряда крестоносцев. Проходя через города на Рейне и Майне, а затем на Дунае, крестоносцы или убивали встречавшихся им ненавистных евреев всех подряд (даже и в этом деле ревностно следуя христианской религии), или насильно присоединяли их к Церкви. Когда их отряды, численность которых из-за постоянно присоединявшихся к ним мужчин и женщин все росла, подошли к границам Паннонии, сильно укрепленные гарнизоны воспрепятствовали им ступить на землю королевства, которое окружают частично болота и частично леса. До короля Кальмана дошел слух, что, по мнению тевтонов, не было разницы между убийством венгра и язычника. И так шесть недель они осаждали крепость Визельбург и понесли ощутимые потери. И в это же самое время в их среде возникли тяжелые и глупые раздоры по поводу того, кто из них займет трон короля Паннонии. Более того, когда был предпринят окончательный штурм, а стены к тому времени были уже разрушены и горожане бежали, а осажденные воины были готовы поджечь свой город, по чудесному провидению Всемогущего Бога, армия пилигримов, уже почти одержавшая победу, внезапно бежала. И они бросили все, что имели, спасая свои жизни.

Наши единоверные, испытывающие ревность, вне всякого сомнения, о, Господе, хотя и вопреки истинному знанию о Боге, начали преследовать других христиан, будучи участниками похода, который был призван, по слову Христа, освободить христиан. Они были удержаны

от пролития братской крови только Божьей милостью, как и венгры. Вот почему некоторые из простодушных братьев, не имеющие здравого суждения о деле и слишком поспешные в принятии решения, были потрясены произошедшими событиями и заключили, что весь поход был напрасен и затея была глупой...

Альберт Ахенский

В начале лета того же года Петр и Готтшалк выступили в поход, и вместе с ними в рядах их армий шло несметное число христиан из различных королевств и стран – Франции, Англии, Фландрии и Лотарингии. Мне неизвестно, судил ли так Господь или это было следствием ошибочных человеческих суждений, но все участники похода начали с невиданной жестокостью беспощадно избивать еврейское население городов, через которые они проходили, особенно в Лотарингии. Они считали это началом своего похода и верили, что они выполняют свой долг, борясь с врагами христианской веры. Виновниками первой бойни были граждане Кёльна. Они внезапно напали на евреев и тяжело ранили и убили многих; они разрушали дома и синагоги евреев и поделили между собой большие суммы присвоенных себе денег. Когда евреи увидели эту жестокость, они ночью втайне от всех начали переправляться на лодках в Нойс, и было их около двухсот человек. Пилигримы и крестоносцы увидели это и захватили евреев на переправе, и после того, как у них было отнято все их состояние, евреи были безжалостно убиты, и ни один из них не остался в живых.

Вскоре после этого крестоносцы выступили в поход, выполняя данный ими обет, и во множестве прибыли в Майнц. Там граф Эмих, аристократического происхождения и могущественный властитель, уже ждал вместе с большим отрядом тевтонов [германцев] прибытия пилигримов, которые должны были собраться в городе со всех окрестностей.

Местные евреи, до которых уже дошло известие о произошедшей резне, прекрасно понимали, что и они могут разделить участь своих собратьев, и потому обратились за помощью к епископу Ротарду. Они передали ему на сохранение свои несметные богатства, искренне надеясь на его протекцию, так как он был епископом города. Епископ надежно спрятал большие суммы денег, полученные им от евреев, и укрыл самих евреев в просторном зале своего дома, подальше от глаз графа Эмиха и его последователей, чтобы они могли остаться целыми и невредимыми в надежном и безопасном месте.

Однако граф Эмих и его окружение собрались на совет, и, едва лишь рассвело, его воины, вооруженные копьями и луками, напали на евреев в их убежище. Они сбили засовы, выломали двери и убили около семисот евреев, которые не в силах были противостоять нападению многих тысяч человек, которые нещадно убивали и женщин, и детей разного пола и возраста. Евреи, видя, как на них устремились их враги-христиане, не щадя даже детей, тесно сплотились все вместе – сестры, братья и жены – и так погибли в объятиях друг у друга. Ужасно это говорить, однако матери предпочли перерезать ножом горло у младенцев и заколоть старших детей, не желая, чтобы те приняли смерть от меча необрезанных.

Немногие евреи уцелели в этой жестокой бойне. И немногие из них, скорее из страха, чем из-за любви к христианской вере, приняли крещение. Захватив все награбленное, граф Эмих, Кларебольд и Фома вместе со всей свитой продолжили путь к Иерусалиму. Они беспрепятственно продвигались к границам Венгрии, но, подойдя к Визельбургу, королевской крепости, которую защищали болота Дуная и Лейты, обнаружили, что ворота ее закрыты по приказу короля. Причиной был страх, охвативший венгров при воспоминании о бойне своих братьев...

Однако, когда казалось, что все складывается благополучно для христиан и они уже проникли сквозь бреши в стенах крепости внутрь, не знаю почему, но такой великий страх обуял всю армию, что она обратилась в бегство. Все это было подобно тому, как овцы разбегаются в страхе перед напавшими на них волками и в поисках укрытия забывают о своих собратьях...

Эмих вместе со своими людьми ушел в обратный путь домой. Фома, Кларебольд и их люди отправились в Каринтию и Италию. Так рука Промысла поднялась на пилигримов, потому что они согрешили перед лицом Господа, предавшись блуду и совершая нечистые дела и убив жестоко евреев, конечно изгнанных и враждебных Христу, но поступили так скорее из-за алчности, а не во исполнение Божией справедливости. Господь – праведный судия, и не принуждает никого силой возложить на себя иго католической веры.

Случались и другие омерзительные преступления в среде этого громадного собрания людей неразумных и безумных. То, что преступления были ненавистны Господу и немислимы для верующих, сомневаться не приходится. Некоторые признавали гуся и козу одинаково наделенными дара Духа Святого, и брали этих животных руководителями на святом пути в Иерусалим, и их высоко почитали. И большинство людей следовали за ними, сами становясь подобными животным, всецело веря, что поступают правильно. Да убоятся сердца верующих подумать, что Господь Иисус желает, чтобы Гроб, где лежит Его святейшее тело, посещали глупые и бессмысленные животные и чтобы эти животные руководили христианскими душами, которые он искупил ценой собственной крови и омыл от нечистоты идолослужения!..

Основные силы крестоносцев и их состав

Фульхерий Шартрский

Это правильно и достойно – хранить в памяти имена вождей крестовых походов. Гуго Великий, брат короля Франции¹³, был первым, кто пересек в походе море. Он высадился с войском в Диррахии¹⁴, городе Болгарии, но проявил крайнюю неосмотрительность. Отправившись вперед с небольшим отрядом, он был схвачен местными жителями и отправлен к императору в Константинополь, где длительное время провел в неволе. Вслед за ним Боэмунд из Апулии, сын Роберта Гвискара из норманнов, проследовал со своей армией по тому же маршруту; затем Готфрид, герцог Лотарингский¹⁵, прошел с большим войском через Венгрию. Раймунд, граф Прованский, совместно с вестготами и гасконцами, а также Адемаром, епископом де Пуи, прошел всю Далмацию. Петр Пустынник, собрав вокруг себя пеших воинов и всего несколько рыцарей, первым вошел в Венгрию. Вальтер Голяк вместе со своими воинами был разбит и погиб в сражении с турками между городами Никомедия и Никея. Затем в октябре Роберт, герцог Нормандский и сын Вильгельма [Завоевателя], короля Англии, собрав большую армию из норманнов, англов и бретонцев, вышел в поход. Вместе с ним отправился Стефан, граф Блуаский, его шурин, и Роберт, граф Фландрский, вместе со многими дворянами. И после того, как собралось столь большое количество войск из всех европейских стран, с каждым днем прибывали все новые люди, пока не составила огромная армия из всех наций и языков. Однако армия не стала единым целым, пока мы не прибыли в Никею.

«Деяния франков»

Вскоре они покинули свои дома в Галлии и разбились на три отряда. Один отряд, состоявший из франков, среди которых были Петр Отшельник, герцог Готфрид, Балдуин, его брат, и Балдуин, граф Эно, вступил в пределы Венгрии. Эти славные рыцари и множество других, имен которых я не знаю, двинулись в Константинополь по тому пути, по которому прошел много лет назад правитель франков король-чудотворец [и император] Карл Великий.

Второй отряд, который возглавили Раймунд, граф Тулузский (Сен-Жильский), и епископ де Пуи, ступил на землю Славонии. Третий, однако, пошел по старой дороге в Рим. В этом

¹³ Брат короля Филиппа I, тоже сын королевы Франции Анны Ярославны, дочери русского князя Ярослава Мудрого.

¹⁴ Диррахий (Драг), ныне Дуррес, был в это время в составе Восточноримской империи.

¹⁵ Герцог Нижней Лотарингии Готфрид Бульонский.

отряде были Боэмунд; Ричард Принципат; Роберт, граф Фландрский; герцог Роберт Нормандский; Гуго Великий; Эверард из Пюизе; Ашар Монмерльский; Изоард из Мусона и множество других рыцарей. Они достигли порта Бриндизи, а возможно, Бари или Отранто. Потом Гуго Великий и Гильом вышли в море из порта Бари, пересекли пролив и высадились в Диррахии. Но правитель этого города, замыслив недоброе, сразу же взял в плен этих прославленных мужей, как только они ступили на берег, и приказал доставить их императору Константинополя, где они должны были принести тому клятву в верности.

Поход Готфрида на Константинополь 15 (?) августа – 23 декабря 1096 г

Альберт Ахенский

После отъезда Петра Отшельника и страшного разгрома его войска; после убийства славного воина Вальтера Голяка и плачевного поражения его войска; вскоре после жестокого убийства священника Готтшалка и гибели его воинов; после неудач, постигших Хартманна, графа Алемании, и Эмиха, и всех прочих храбрецов и вождей земли Галльской (среди них Дрого де Несле и Кларебольд де Вендэй); и после жестокого поражения армии Кларебольда у врат Визельбурга в королевстве Венгрия, в тот же год в середине августа вышло в поход еще одно войско. Это были: благородный Готфрид, герцог Лотарингский, и его брат Балдуин; Вернер де Грю, родственник герцога, и Балдуин де Бург; Рейнард, граф Туля, и Питер, его брат; Додо де Конц, Генрих де Аша и его брат Готфрид. На пути в Иерусалим они остановились вблизи замка Толленбург в провинции Австрия, где по реке Лайта проходит граница [Венгрии] с Австрией. Они задержались там в сентябре на три недели, чтобы выяснить для себя, почему возникла крамола, почему погибло войско за несколько дней до этого и почему встреченные ими возвращавшиеся в отчаянии паломники изменили свое решение и не пошли в Иерусалим вместе со своими вождями.

Наконец, выслушав все зловещие слухи, они обсудили, что следует предпринять в первую очередь для выяснения причин жестокого нападения венгров на своих собратьев-христиан и насколько внимательными и осмотрительными надо быть в этом деле. После продолжительного обсуждения было решено послать из прославленных вождей похода только Готфрида де Аша, чтобы тот расследовал преступное злодеяние. Они решили так, потому что его знал Кальман, король Венгрии. Рыцарь был в свое время послом герцога Готфрида к венгерскому королю. Вместе с ним отправились двенадцать человек из свиты герцога – Балдуин, Стабело и другие, имена которых неизвестны...

Король заключил договор с герцогом Готфридом, и вся знать его королевства связала себя клятвой не создавать препятствий пилигримам на их пути. Когда эти договоренности были подтверждены с обеих сторон, король, по совету своих людей, потребовал в заложники Балдуина, брата герцога, его жену и семью. На это герцог согласился без возражений. Спустя восемь дней посольство было распущено, и герцог приказал быстрее продвигаться к крепости Оденбург и встать лагерем на берегу реки близ болот... Наконец, Балдуин, отринув все сомнения, согласился стать заложником и отправиться в изгнание ради безопасности своих братьев.

Таким образом, когда столь заслуженный предводитель похода стал заложником и когда король Кальман возвратился с ним в Паннонию, все войско по приказу и с разрешения короля было проведено по мосту, наведенному через болота, и лагерь был разбит близ реки Лайта. Когда лагерь был разбит и настало время отдыха, герцог Готфрид послал в каждый дом и каждую палатку герольдов известить о том, что под угрозой смертной казни запрещается силой отбирать что-либо у жителей королевства Венгрия и затевать какие-либо ссоры, но вести торговлю по справедливым ценам. Также король приказал оповестить во всех своих владениях, что войско надобно снабдить всеми необходимыми припасами: хлебом, вином, зерном, скотом

и дикой птицей. И он распорядился, что венгры, под угрозой смерти, не должны досаждать и гневить воинов нечестной торговлей, но, наоборот, всячески облегчать им ее.

И так, день за днем, в мире и спокойствии, мирно торгуя с местными жителями, герцог и его люди проходили через Венгрию, пока не вышли к Драве. Было заготовлено много деревьев и сделан большой плот, на котором они переправились через реку. Не задерживаясь в пути, король вместе с большим отрядом конных воинов и Балдуином и всеми другими заложниками прибыл в место, называемое Франкавилла [вблизи современного города Сирмий на реке Сава]. Там они оставались три дня, приобретая все необходимое для войска. Затем они перешли в Малевиллу и провели пять дней на берегах Савы.

Там до герцога и других вождей похода дошло известие, что император в Константинополе выдвинул войска, чтобы воспрепятствовать проходу пилигримов через Болгарию. Тогда герцог и его люди приняли решение послать часть отрядов за реку, чтобы оттеснить вражеских воинов императора, пока переправляется все войско. Было найдено всего только три судна. На них переправилась тысяча рыцарей в доспехах и закрепилась на берегу. Все остальные переплыли реку на самодельных плотах.

Едва только воины и их вожди вышли на берег реки, появился король [Венгрии] со свитой и Балдуином, братом герцога, его женой и со всеми заложниками. Заложники были переданы герцогу совместно со многими дарами, и король обменялся с герцогом лобзанием мира, а затем он удалился в свое королевство. В то время как герцог и его войско, расположившись на противоположном берегу, провели гостеприимную ночь в Белграде, в Болгарии. Это был город, который незадолго до этого был разграблен и сожжен войском Петра Отшельника. Когда настало утро, герцог и его войско снялись с места и вступили под полог бескрайних лесов Болгарии.

Там их встретили послы императора, передав следующее его послание: «Алексей, император Константинополя, царства ромеев, шлет искреннее приветствие герцогу Готфриду и его князьям. Я обращаюсь с просьбой к христианнейшему герцогу, чтобы вы не позволяли своим людям грабить и опустошать мои земли и царство, в пределы которого вы вошли, и обеспечили бы привилегию торговли. Согласно нашему указу вы найдете в изобилии различные съестные припасы и другие товары». Ознакомившись с этим посланием императора, герцог дал обещание следовать всем его пунктам. Отныне, как было оповещено всем, никому не следует прибегать к насилию. И так по приглашению императора они прибыли в его крепость Ниш, где было изобилие продовольствия, зерна [пшеницы], ячменя, вина и оливкового масла, и множество дичи было доставлено к столу герцога в качестве императорского дара. Другим была дана привилегия на торговлю. За четыре дня в условиях полного изобилия воины восстановили свои силы. После того герцог со своим войском отправился в Софию, где получил не меньше, чем прежде, подарков от императора. Оттуда спустя несколько дней он отправился к Филиппополю, известному городу; там он в течение нескольких дней вновь получил дары и все необходимое содержание от императора.

Там пришло ему известие, что император держит в темнице в цепях Гуго Великого, брата короля Франции, Дрого и Кларебольда. Узнав об этом, герцог послал посольство к императору, требуя, чтобы император отпустил на свободу этих князей своей земли, в противном случае не обещая своей преданности и дружбы в отношении императора. Когда Балдуин, граф Эно, и Генрих Ашский узнали о том, что к императору будет направлено посольство, они отправились в Константинополь на рассвете, не поставив в известность герцога. Они рассчитывали на то, что, прибыв раньше послов, могут получить большие дары от императора. Герцог, узнав об этом, воспринял это известие болезненно, однако он не показал своего гнева и отправился в Адрианополь. На конях переплыв реку, они разбили лагерь и остановились на ночь. На следующий день горожане не разрешили ему и его свите перейти по мосту через реку в центре города. Тогда они поспешили в Салабрию и расположились в шатрах на прекрасных лугах.

Там посланцы герцога, вернувшись от императора, сообщили, что он не отпустил пленников. Тогда, возмущившись, герцог и его свита отказались поддерживать и дальше мирный договор с императором. По приказу герцога вся эта страна была отдана на разграбление пилигримам и воинам, и по прошествии восьми дней вся область была опустошена.

Император, прослышав, что страна подверглась разграблению, отправил к герцогу Рудольфа Пеелделана и Рутгера, сына Дагоберта, очень красноречивых мужей, которые были из тех краев и родственники франкам. От его имени они просили, чтобы войско прекратило грабежи и бесчинства в царстве, и обещали, что император незамедлительно отпустит пленников, чего и требовал герцог. Удовлетворенный подобным решением и проведя совет со своими людьми, Готфрид приказал прекратить грабежи.

Поход западных франков¹⁶ в Южную Италию Конец сентября – ноябрь 1096 г

Фульхерий Шартрский

Тогда западные франки пересекли Галлию и, пройдя через Италию, вышли к славному городу Лукка. Близ него мы встретили папу Урбана II. Роберт Нормандский и Стефан, граф Блуаский, провели с ним переговоры, равно как и с теми, кто пожелал того. Получив благословение папы, мы радостно проследовали в Рим. И когда мы вошли в собор Святого Петра, мы встретились у алтаря со сторонниками Гвиберта, лжепапы [Климента III], который, с мечом в руке, злонамеренно захватил дары на алтаре. Другие забрались на крышу собора и начали бросать камни вниз, где мы, распростершись, молились. Они, как только обнаруживали хотя бы одного сторонника Урбана II, стремились тотчас убить его. В одной башне собора были приверженцы папы Урбана II, которые, как могли, охраняли и защищали ее от его врагов. Мы скорбели, видя подобное насилие, совершаемое в таком месте, но не могли ничего сделать, как только надеяться на отмщение Господа. Многие из тех, что присоединились к нам, не стали долго ждать, но, проявив позорную трусость, вернулись в свои дома.

Мы, однако, прошли через центральные области Кампании и вышли к Бари, богатому портовому городу. Там мы вознесли наши молитвы к Богу в церкви Святого Николая. Затем, подойдя к порту, мы решили сразу же пересечь пролив. Однако вследствие того, что у нас не было моряков и судьба могла сыграть с нами злую шутку, да и к тому же стояла зима, время опасное для плавания, Роберт, герцог Нормандский, был принужден отвести свои отряды в Калабрию, и там он провел всю зиму. Однако Роберт, граф Фландрский, со своими людьми переправился через пролив. Тогда многие крестоносцы, брошенные на произвол судьбы своими вождями, опасаясь будущего, распродали свое оружие, снова взяли в руки посохи пилигримов и бесславно возвратились в свои дома. Это сознательное бегство унизило их в очах Господа и людей и еще больше опозорило их.

Поход Боэмунда на Константинополь 26 октября 1096 г. – 10 апреля 1097 г

«Деяния франков»

А отважный в бою Боэмунд был занят осадой Амальфи, что расположено на побережье Салернского залива, когда услышал, что несметное войско христиан-франков выступило в поход к Гробу Господню и что оно готово сразиться с ордой язычников. Тогда он начал подробно выпрашивать, какое оружие есть у этих людей, и что за изображение Христа несут они с собой, и какой клич у них в бою. И он получил следующие ответы: «Имеют они оружие удобное в битве; на правом плече или на спине они несут крест Христов. Единодушен их клич:

¹⁶ Крестоносцев из Западнофранкского королевства (Франции).

«Этого хочет Бог! Этого хочет Бог! Этого хочет Бог!» По наитию Святого Духа Боэмунд приказал разрезать имевшееся у него драгоценное покрывало на части и пошить из них, сколько было возможно, крестов. И многие рыцари, участвовавшие в осаде, присоединились к нему, так что граф Рожер [младший брат Роберта Гвискара] остался почти в одиночестве.

Возвратившись в свою землю [Таранто, на юге Италии], Боэмунд тщательно подготовился к тому, чтобы отправиться в поход к Гробу Господню. Наконец он переправился через море со своим войском. Вместе с ним были Танкред, сын Маркиза [племянник Боэмунда Танкред (умер в 1112 году) был сыном князя Ломбардии по имени Маркиз]; Ричард Принципат и Ранульф, брат его; Роберт из Ансе; Герман из Канн, Роберт из Сурдеваля; Роберт, сын Тостана, Хунфред, сын Рауля; Ричард, сын графа Ранульфа; граф Росиньоля с братьями; Буэлло Шартрский, Альберд из Каньяно и Хунфред с горы Скальозо. Все они перешли к Боэмунду на службу; они переплыли море и высадились на побережье Болгарии [в составе Восточной Римской империи] в том месте, где было изобилие зерна, вина и другой пищи. Затем они спустились в долину Андрополи (близ Дурреса) и стали ждать, пока через море переправится все войско. Затем мудрый Боэмунд собрал совет со своими людьми, обратившись к ним с такими словами: «Помните, сеньоры, что мы пилигримы Бога. Нам следует проявлять большую доброту и смирение. Не разоряйте эту землю, поскольку это земля христиан, и не позволяйте никому, чтобы не лишиться благословения, брать себе больше, чем необходимо для вашего пропитания».

Далее мы отправились в путь посреди всеобщего изобилия, переходя от одного поместья к другому, от одного города к другому, пока не достигли Кастории. Там мы торжественно отпраздновали Рождество Господне. Мы пробыли там несколько дней в поисках продовольствия, но жители отказывались иметь с нами дело, поскольку они нас сильно боялись, полагая, что мы пришли не как пилигримы, но как завоеватели, которые намеревались захватить их земли и убить их. И поэтому мы забрали у них скот, лошадей, мулов и все, что нам попало. Выйдя из Кастории, мы вступили на землю Пелагонии, где была некая крепость еретиков. Мы напали на нее со всех сторон, и вскоре она сдалась нам. Тогда мы сожгли крепость вместе со всеми ее обитателями, поскольку то было сборище еретиков. Затем мы достигли реки Вардар. И тогда наш господин Боэмунд отправился дальше со своими людьми, но часть воинов осталась вместе с графом Росиньолем и его братьями.

Вслед за тем подошло войско императора и напало на графа с его братьями и на тех, кто был вместе с ними. Услышав об этом, Танкред вернулся назад и вместе с двумя тысячами воинов переплыл реку. Вскоре они нашли турко-полов и печенегов, сражавшихся с нашими. Танкред со своими воинами напал внезапно и одержал славную победу. Было захвачено несколько пленных, и их, скованных, привели к Боэмунду, который обратился к ним так:

«Почему, презренные, вы убиваете народ Христов и мой? У меня нет никакой распри с вашим императором». Те ответили: «Мы не можем поступать иначе, мы находимся на службе императора, и, что бы он ни приказал, мы должны выполнять». Боэмунд повелел отпустить их, не подвергнув наказанию. Эта битва произошла в четвертый день недели, в начале поста, да будет благословен Господь во всем! Аминь.

Несчастный император отослал к нам вместе с нашими гонцами одного из своих людей в чине куропалата, к которому был сильно привязан, чтобы он сопровождал нас, ради нашей безопасности, на пути в Константинополь. И когда мы проходили через их города, он приказывал местным жителям доставлять нам продовольствие, так же как это делали те, о ком мы уже говорили. Впрочем, горожане настолько боялись храбрых воинов нашего господина Боэмунда, что не позволяли никому из нас войти в город. Тогда наши воины захотели напасть и захватить один укрепленный город, потому что в нем было множество всевозможных благ. Однако Боэмунд, муж рассудительный, отказался дать позволение на это, не только ради соблюдения справедливости по отношению к стране, но и ввиду обязательств перед императором. Тем не

менее он был сильно разгневан, узнав о случае с Танкредом и прочими. Это случилось вечером. А утром жители города вышли процессией за его ворота; неся кресты в руках, они приблизились к Боэмунду. Польщенный, он встретил их милостиво, а потом позволил им удалиться. Затем мы подошли к некоему городу, который называется Серреса [Сере – город в Юго-Восточной Македонии], где поставили шатры и получили в достатке пропитания на те дни. Затем мудрый Боэмунд заключил соглашение с двумя куропалатами; и ради дружбы с ними и соблюдения законов страны он приказал своим воинам возвратить хозяевам весь угнанный ими скот. Куропалаты обещали ему, что они отправят, как положено, сообщения об этом владельцам скота. Затем мы подошли к городу Руса. Греческий народ вышел из города и вынес нам множество продовольствия, радостно приветствуя господина Боэмунда. Мы разбили лагерь в среду Страстной недели.

Тогда мы узнали, что Боэмунд оставил все свое войско и отправился для переговоров с императором в Константинополь, взяв с собой несколько воинов. Он отдал приказ своим вассалам: «Продвигайтесь к городу медленней, я же поеду вперед». Танкред остался во главе воинства Христова и, увидев, как паломники покупают еду, сказал себе, что сойдет с пути и поведет своих людей туда, где они будут чувствовать себя счастливо. Наконец он вступил в некую долину, полную всех благ, потребных для телесного пропитания, и там мы со всем благочестием отпраздновали Пасху Христову.

Поход Раймунда Тулузского [и Сен-Жильского] и епископа Адемара де Пюи Октябрь (?) 1096 г. – 21 апреля 1097 г

Раймунд Ажилский

Продвигаясь по земле Славонии¹⁷, они несли большие потери, особенно потому, что была зима. Страна Славония была пустынной и горной, в ней не было дорог; за три недели пути мы не встретили ни диких зверей, ни птиц. Местные жители были неприветливы и грубы и не хотели ни торговать с нами, ни дать нам проводников. Вместо этого они бежали при виде нас из своих деревень и крепостей. Они даже убивали, подобно тому, как режут скот, престарелых больных стариков и ослабевших бедняков, которые влачили позади нашего войска на небольшом расстоянии, словно те причинили им много вреда. Нелегко было для наших воинов в тяжелых доспехах преследовать на крутых склонах и в густых лесах разбойников, имевших легкое оружие, хорошо знакомых с местностью. Но они продолжали преследовать их постоянно, не имея возможности ни сражаться, ни уклониться от боя. Позвольте вам напомнить об одном достопамятном происшествии, случившемся с графом. Когда граф с несколькими рыцарями задержался ненадолго в пути из-за препятствий, чинимых славонцами, то он в отместку напал на них и захватил шесть человек. И по этой причине славонцы еще яростней стали нападать на него. Тогда граф, который должен был быстрее догнать свое войско, приказал одним пленным вырвать глаза, другим – отрезать ступни ног, третьим – раздробить носы и руки. Так что, пока преследователи, увидев подобную картину, скорбели о своих соплеменниках, граф благополучно ушел со своими людьми. Так, по милости Божией, он избежал смерти и вышел невредимым из сложного положения.

Поистине невозможно рассказать, какое мужество и какую мудрость проявил граф в этих краях! Ведь мы были в Славонии почти в течение сорока дней, во время которых нам встречались в горах такие густые облака, что мы могли ощущать их и развести их в стороны руками перед собой одним легким движением. Посреди всех этих дел граф не переставая сражался в арьергарде, защищая своих людей. Граф никогда не был первым среди тех, кто становился на постой, но всегда последним, и пока другие располагались на отдых в полдень или вече-

¹⁷ Сербским землям, ныне юго-запад Боснии и Герцеговины и Черногории.

ром, граф часто делал это только в полночь или в рассветный час, с пением петухов. Наконец, Божиим промыслом и благодаря трудам графа и советам епископа армия прошла через Славонию, не потеряв ни одного воина: ни от голода, ни в бою. По этому поводу я свидетельствую – Бог хотел, чтобы армия прошла через Славонию, чтобы те грубые люди, которые не знали Бога¹⁸, признав доблесть и терпение Его рыцарей, стали менее дикими и были призваны без оправдания на Божий суд. И затем, претерпев многие трудности, мы предстали перед королем славонцев в Скутари¹⁹. Граф заключил с ним дружественный союз и одарил его большими дарами для того, чтобы войско чувствовало себя в безопасности. Но то были напрасные надежды, хотя мы с покаянием и предприняли все возможное для достижения мира; славонцы, в своей обычной манере, с яростью стали убивать наших людей и получили от безоружных все, что смогли. Мы искали не мести, но надежного убежища. Итак, достаточно о Славонии.

Мы прибыли в Диррахий²⁰. Мы верили, что мы в своей стране, и полагали, что император и его соратники были нашими братьями и помощниками. Они же, словно рыкающие львы, напали на мирных людей, которые и не думали сражаться. Они убивали их в тайных местах; они крали все, что могли, ночью в лесах и в деревнях, вдали от лагеря. Несмотря на то что они так зверствовали, их предводитель предложил мир. Но во время кратких перемирий они убили Понтия Ренальда и смертельно ранили его брата Пьера, а это были благородные князья. Однако, когда нам представилась возможность отомстить, мы предпочли продолжить наш путь, а не мстить за причиненное нам зло. В пути нас нагнали письма от императора о предложении мира, братства и, могу также сказать, о заключении союза; но это было не чем иным, как западней. Поскольку впереди и позади, справа и слева нас подстерегали в засаде турки и куманы, узы, печенеги и болгары.

Однажды, когда мы были в долине Пелагонии, епископ де Пюи отошел на небольшое расстояние от лагеря в поисках удобного места для постоя войск и был захвачен печенегами. Они сбросили его с мула на землю, ограбили и нанесли жестокий удар по голове. Но поскольку такой великий святитель был потребен Божиим людям, Бог спас его жизнь. Случилось так, что один печенег, чтобы получить с епископа золото, взял его под свою защиту. Тем временем в лагере слышали шум, и благодаря замешательству врага и своевременной помощи своих епископа удалось спасти.

Когда мы, под угрозой измен и предательства со всех сторон, подошли к некоей крепости под названием Водена (Bucinat), графу стало известно о том, что печенеги намереваются напасть на нас в горном ущелье. С несколькими рыцарями он внезапно обрушился из засады на печенегов и, убив нескольких из них, остальных обратил в бегство. Меж тем письма императора с предложением о мире продолжали приходить, но, несмотря на это, следуя его злому умыслу, враги окружили нас со всех сторон. Когда мы пришли в Фессалонику²¹, епископ был все еще болен, и он остался в городе с несколькими людьми.

После того мы достигли города Руса, где все его жители были готовы причинить нам зло, мы уже были не расположены проявлять терпимость. Поэтому мы прибегли к оружию и разрушили внешние стены, захватили большую добычу и принудили город к сдаче. Потом, развернув знамена, мы вошли в город с боевым кличем графа «Тулуза!», а затем покинули его.

Мы подошли к другому городу – Родосто²². Когда находившиеся на службе императора рыцари попытались напасть на нас, многие из них были убиты, и при этом были взяты большие трофеи. Тогда послы, которых мы отправили к императору, получив деньги от него, воз-

¹⁸ Христианство здесь распространилось в IX–X вв.

¹⁹ Современный Шкодер в Албании, тогда город Скодра. В это время сербскими землями правил Константин Бедин, отец которого, князь Михаил, в 1077 г. получил от римского папы Григория VII королевский титул.

²⁰ Современный Дуррес, тогда тоже Драг.

²¹ Современный город Салоники.

²² Современный Текирдаг в Турции.

вратились к нам, обещая, что все закончится миром. Чего большего можно было пожелать? В послании, доставленном одновременно нашими посланцами и послами императора, говорилось, что графу следует, оставив позади свою армию, безоружным с несколькими своими людьми, поторопиться на встречу с императором. Посланцы сказали, что Боэмунд, а также герцог Лотарингский, граф Фландрский и другие князья молятся о том, чтобы граф быстрее заключил соглашение с императором о походе на Иерусалим и чтобы император, взяв крест, также стал предводителем Божьего войска. В дополнение к этому они сообщили, что император обещал заключить все необходимые договоренности с графом как в том, что касалось их самих, так и всего потребного для похода. Они заявили, что сражение неминуемо и что без поддержки большого войска его результат может быть неблагоприятен; было также сказано, что граф должен приехать с небольшой свитой, так чтобы, когда его войско подойдет, все было бы уже обговорено с императором и чтобы больше не возникло никакой задержки. В конце концов графа уговорили отправиться впереди войска одному, оставив свою охрану в лагере. И так он поехал без оружия в Константинополь.

Роберт Нормандский и Стефан Блуаский на пути в Константинополь 5 апреля – 14 мая 1097 г

Фульхерий Шартрский

Тогда в марте 1097 года, как только наступила весна, герцог Нормандский и граф Стефан Блуаский со своими соратниками (так как он тоже ждал подходящего времени) возвратились снова на побережье. Когда флот был готов к отплытию к апрельским нонам, которые пришлось в тот год на праздник Пасхи, они поднялись на борт в порту Бриндизи. «Как непостижимы судьбы Его и неисследимы пути Его!» (Рим., 11: 33). Ведь среди всех этих кораблей был один корабль, который, как мы увидели, неожиданно раскололся посередине по неизвестной причине. И тогда около четырехсот душ, мужчин и женщин, утонули, о которых мы сразу вознесли молитвы к Богу. Когда удалось выловить достаточно много мертвых тел, на плечах некоторых из них было обнаружено изображение креста. Когда эти люди были еще живы, они вышли на одежде крест, и это произошло Божиим произволением, чтобы тот же самый победный знак веры остался на теле тех, которые преждевременно ушли из жизни, продолжая служить Ему. Поэтому весьма своевременным было подобное чудо, чтобы доказать тем, кто были свидетелями его, что почившие уже обрели вечный мир в Боге; поистине свершилось то, что было предречено: «Вот покой, дайте покой утружденному, и вот успокоение» (Ис., 28: 12). Из тех наших спутников, боровшихся со смертью, выжили немногие. Их лошади и мулы были поглощены волнами, и было потеряно много денег. При виде этого бедствия мы были сильно напуганы, и до такой степени, что многие пилигримы, робкие сердцем, которые еще не успели ступить на борт, возвратились в свои дома, отказавшись от участия в походе, и при этом говорили, что никогда более не вверят себя предательскому морю.

Ну а мы, полностью предав себя воле Всемогущего Бога, вышли в открытое море. Вымпелы развевались на ветру, и звонкий глас труб разносился в воздухе, и дул нежный бриз. В следующие три дня задули сильные ветры, и начали нас носить по морю огромные водные валы. На четвертые сутки мы достигли земли, примерно в десяти милях от Диррахия. Наши суда стали на якорь в двух портах. Тогда с радостью мы вновь ступили на сушу и оставили позади этот город. Мы преодолевали крутые горы и шли через пустынные местности Болгарии. Затем все мы подошли к реке с быстрым течением, называемой местными жителями Рекой дьявола [современная река Деволи], полностью заслуживавшей такого наименования. Поскольку довелось нам увидеть, как много людей, намеревавшихся перейти ее вброд, внезапно гибли, подхватываемые стремительным и сильным течением; и ни один человек из тех, кто видел это, не мог спасти их. Сострадая погибшим и оплакивая их, мы проливали слезы, и, если бы не мужество

наших конников, которые помогали переправиться пешим воинам, многие из них не избежали бы подобной участи. Затем мы поставили наши шатры на берегу, где и переночевали. Высокие горы без всяких следов человека возвышались вокруг нас. Едва только рассвело, раздалось пение трубы, и мы продолжили наш путь, спустившись с горы, называемой Багора. Затем, миновав на нашем пути города Охрид, Битола, Водена и Стелла [вероятно, Пелла или Целла], мы подошли к реке, называемой Вардар. И то, что невозможно было сделать, не имея лодок, мы сделали с Божьей помощью – мы перешли реку вброд. На следующий день мы разбили лагерь у стен города Фессалоника, богатым разнообразными товарами. Спустя четыре дня мы вышли в путь через земли Македонии, прошли через долину Струмы и далее через города Кризополис и Кристополис, Преторию [возможно, греческий город Перитеорион], Мессинополис, Меру, Трайанополис, Неаполис, Панедор, Родосто и Гераклею, Силиври и Натуру, пока не подошли к Константинополю. У стен города, разбив лагерь, мы отдыхали четырнадцать дней.

Глава 3

Император Алексей Комнин и крестоносцы

Поведение императора Алексея Комнина и отношение народа империи к крестоносцам, когда они проходили по землям империи на пути к Константинополю, казались странными верующим католикам того времени и озадачивали в той или иной мере всех последующих авторов. Имеется некое сомнение относительно того, обращался Алексей за помощью к Западу или нет. Ф. Шаландон, чьи исследования времени правления императора Алексея, возможно, наиболее авторитетные среди современных авторов по данному вопросу, утверждает, что император не просил о помощи, и империя в 1096 году нуждалась в ней даже в наименьшей мере, чем в какой-либо иной год, начиная с 1071-го. Вне всякого сомнения, поведение императора было бы более понятным, если бы на крестоносцев смотрели как на непрошенных гостей. Довольно частые акты насилия с их стороны вполне могли заставить императора усомниться в искренности их намерений. Присутствие Боэмунда и его рыцарей из Южной Италии, старых врагов Восточной Римской империи, только усиливало подозрения. Возможно, были и другие причины, беспокоившие императора. Колер предположил, что Урбан II, собирая крестовый поход, лелеял надежду, что Греческая церковь подчинится ему в знак признательности за помощь, если же нет, то будет необходимо добиться этого путем запугивания и применяя силу. Однако была или нет реальная причина для императорских подозрений, заявления его дочери и его собственные устремления поскорее переправить постоянно прибывавшие отряды крестоносцев из Константинополя за Босфор, явно указывают на то, что он не доверял латинянам. И все же, когда читаешь латинские хроники, трудно обнаружить в них свидетельства коварства в отношении Алексея или скрытые намерения овладеть его империей. Дружественные послания императора, с одной стороны, и недружелюбное отношение его воинов, с другой, – такое сочетание порождало глубокое недоверие крестоносцев. Однако вначале поведение императора вызывало у них, по-видимому, только сомнение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.